

**ТЕЗИС – АНТИТЕЗИС – СИНТЕЗ
(К ВОПРОСУ О СЛОЖЕНИИ НОВГОРОДСКОЙ
АРХИТЕКТУРНОЙ ШКОЛЫ)**

Введение

Важнейшим вопросом истории новгородской архитектуры домонгольского времени является вопрос о сложении новгородской архитектурной школы, иначе – вопрос о возникновении храма новгородского типа. В общих чертах картина становления новгородской школы была представлена в работах П. А. Раппопорта, Г. М. Штендера, А. И. Комеча и других исследователей. Были выявлены основные этапы развития новгородского зодчества и рассмотрены важные аспекты формирования архитектурных типов. Однако место отдельных памятников в общем эволюционном ряду и их датировка во многих случаях пока еще остается предметом научных дискуссий. Задача сегодняшнего дня – конкретизация этой картины.

Новгородские постройки последней четверти XII в. по ряду формальных признаков представляются единой стилистической и типологической группой. Это небольшие одноглавые четырехстолпные трехапсидные храмы. Западные столбы имеют квадратное (прямоугольное) сечение. Восточные столбы в плане либо квадратные (прямоугольные), либо Т-образные или Г-образные¹. В западной части храмы имели хоры, представляющие собой замкнутые палатки, соединенные деревянным настилом. На хоры вела лестница, расположенная в большинстве случаев в толще западной стены.

Фасады храмов практически лишены декора. Декоративную роль выполняли оформленные лекальными плинфами – зубчиками аркатур-

¹ Вал. А. Булкиным была отмечена интересная закономерность: в храмах с Т-образными или Г-образными восточными столбами имеются внутренние лопатки напротив восточных столбов, а в храмах, где все столбы квадратные (прямоугольные), внутренние лопатки отсутствуют. (Булкин Вал. А. Архитектурно-строительная ситуация в новгородском зодчестве конца XII – начала XIII в. // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 10. Л., 1987. С. 217–223).

ный пояс барабана, карнизы апсид и закомар, а также полуциркульные перемиčky оконных и дверных проемов, кладка которых оставалась не закрытой обмазкой. Возможно, декорация храмов дополнялась фасадной росписью, от которой сохранились лишь незначительные фрагменты².

Итак: небольшой, четырехстолпный, одноглавый, трехапсидный, с квадратными западными столбами, с хорами в западной части, представляющими собой в боковых членениях замкнутые палатки, практически лишенный декоративных элементов – таков образ храма «новгородского типа». Это продукт новгородской архитектурной школы в сложившемся варианте. Большое количество построек, обладающих этими признаками, говорит о типологическом единстве новгородской архитектуры этого периода и о массовости данного типа³.

Таким представляется итог почти столетнего развития новгородского зодчества. Что же было в начале этого процесса? А на начальном этапе становления новгородской школы мы видим большие шести-столпные трехглавые храмы с вместительными хорами и лестничными башнями. Общая композиция этих храмов, их плановое решение, характер оформления фасадов указывают на киевскую архитектурную традицию. В то же время практически полное отсутствие кирпичного декора и кладки с утопленным рядом и наоборот – широкое использование известняковой плиты – позволяет говорить о некотором упрощении художественных приемов киевских мастеров, то есть о «провинциальности» новгородских построек начального периода в сравнении с киевскими образцами. С другой стороны, высотные пропорции первых новгородских храмов и ряд других архитектурных особенностей свидетельствуют о влиянии на постройки этого периода первого новгородского храма – Софийского собора.

У большинства современных исследователей нет сомнений, что формирование новгородской школы происходит в процессе переработки и упрощения киевских форм, несколько измененных под влиянием архитектуры Новгородской Софии. На одном конце эволюционной цепочки находятся грандиозные храмы с развитой объемно-пространст-

² Орлова М. А. Наружные росписи средневековых памятников архитектуры. Византия. Балканы. Древняя Русь. М., 1990. С. 162–171.

³ К сожалению, большинство храмов этого времени в основном объеме не сохранилось, и об их архитектурных особенностях можно судить, исходя, главным образом, из схемы плана. Поэтому с уверенностью говорить об идентичности их объемной композиции нельзя. Наоборот, пониженные объемы боковых апсид в церкви Спаса на Нередице и наличие лестничных башен в церкви Феодора на Щиркове улице и в Спасском соборе в Старой Руссе указывают на возможные инварианты развития архитектурных форм. В начале XIII в. на архитектуру Новгорода должны были повлиять работы смоленских мастеров, при участии которых в Новгородской земле создается серия построек (церкви Параскевы Пятницы и Михаила Архангела в Новгороде, Борисоглебский собор в Торжке). Вероятно, примером восприятия новгородскими мастерами форм смоленской архитектуры является церковь Рождества Богородицы на Перыни. О других постройках этого периода, однако, ничего не известно.

венной структурой, сопоставимые с сооружениями Киева, на другой – небольшие постройки, художественной образ которых прост и лаконичен.

Обратим внимание на новые архитектурные решения, появившиеся вследствие этого эволюционного процесса.

1. Переход к четырехстолпному варианту храма. Переход к сокращенному (четырёхстолпному) объему нельзя рассматривать как простое «механическое» удаление нартекса. Следствием отказа от нартекса становилось, как правило, увеличение западной части наоса. Если в храмах с нартексом ширина западного членения наоса равна ширине боковых нефов, то в четырехстолпных храмах Старой Ладogi и в новгородских храмах конца XII в. она значительно больше и в некоторых случаях приближается к величине подкупольного квадрата. В связи с этим возникала проблема асимметричности композиции основного объема, отмеченная Вл. В. Седовым⁴. Вторым следствием отсутствия нартекса являлся перенос хор в пределы наоса либо (в некоторых случаях) полный отказ от хор.

2. Уменьшение высоты построек. В храмах Пскова и Ладogi, а также в новгородских храмах последней четверти XII в., сохранившихся в основном объеме, отсутствует преувеличенный вертикализм ранних построек, объяснимый влиянием Софийского собора. Их пропорции близки пропорциям южнорусских памятников: высота стен превышает ширину центрального нефа в 2,2–3 раза. У нас нет данных, свидетельствующих о том, что изменение высотных характеристик новгородских храмов происходило постепенно. Скорее, можно говорить о единомоментном появлении этого решения. Уменьшение высоты храмов, несомненно, объясняется изменениями условий заказа. Отказ от ориентации на пропорциональную схему Софийского собора указывает на то, что главный храм Новгорода перестает восприниматься как безусловный и единственный образец. С другой стороны, уменьшение высоты храмов может быть связано с отказом от лестничных башен и с необходимостью размещения лестниц в толще западной стены. Все известные в новгородской архитектуре XII в. внутрстенные лестницы были одномаршевыми. При небольшой ширине храма устройство длинной (и, следовательно, высокой) лестницы было невозможно. Это влекло за собой более низкое расположение хор и пониженный объем всей постройки.

3. Устройство внутрстенных лестниц в толще западной стены. В новгородской архитектуре начального периода, так же как и в киевской архитектуре конца XI – начала XII в., внутрстенные лестницы не использовались. Можно предположить, что внутрстенные лестницы могли применяться в фортификационной архитектуре, при строительстве

⁴ Седов Вл. В. Новый тип хор в древнерусской архитектуре XII в. // Церковь Спаса на Нередице: от Византии к Руси. К 800-летию памятника. М., 2005. С. 80.

каменных крепостей Переяславля Южного и Ладоги⁵. Однако лестницы этого типа в данных крепостях неизвестны⁶. Кроме того, вряд ли возможно рассматривать лестницы фортификационных сооружений в качестве исходного образца для внутрстенных лестниц в храмовой архитектуре Новгородской земли. При кажущейся простоте лестница внутри стены храма являлась достаточно сложным инженерным сооружением. При размещении лестницы внутри стены необходимо было учитывать расположение дверных и оконных проемов, а также внутрстенных связей⁷. Подобных сложностей было гораздо меньше при устройстве лестницы в толще крепостной стены.

4. Появление нового типа хор с палатками. Княжеские соборы начала XII в. (Николо-Дворищенский и Георгиевский) имели П-образные хоры, устроенные на сводах. Хоры занимали нартекс, а также юго-западную и северо-западную части наоса и были полностью открыты в основной объем храма. Подобную конструкцию имели и хоры большинства киевских памятников конца XI – начала XII в. Хоры церквей Успения и Георгия в Старой Ладогe, а также хоры новгородских храмов конца XII в. имеют принципиально иную конструкцию (замкнутые палатки, соединенные деревянным настилом). Незначительное количество построек, сохранившихся в основном объеме, не позволяет в полной мере реконструировать этапы эволюции этого конструктивного элемента. Вероятно, первые шаги к появлению хор с палатками были сделаны уже при строительстве Рождественского собора Антониева монастыря. Композиция хор этого храма объясняется двухэтапностью его строительства. Хоры располагаются лишь над нартексом и в угловых частях отделены от основного объема стенами с оконными проемами (участками западной стены первоначального четырехстолпного храма). Деревянный настил в конструкции хор впервые встречается в псковских храмах: в Иоанновском соборе и в Спасо-Преображенском соборе Мирожского монастыря. В Иоанновском соборе хоры расположены над нартексом и открыты в основное пространство храма. Композиция хор собора Мирожского монастыря аналогична композиции хор храмов «новгородского типа»: замкнутые палатки, соединенные деревянным настилом. Спасо-Преображенский собор, таким образом, является пер-

⁵ Это предположение представляется особенно интересным при учете того, что строительство ладожской крепости (1114–1116 гг.) велось в одновременно с храмовым строительством в Новгороде.

⁶ Возможно, это связано с плохой сохранностью фортификационных сооружений домонгольского периода в Переяславле и в Ладогe. Ладожская крепость 1114–1116 гг. была полностью перестроена в XV–XVI вв. Каменные крепостные стены Переяславля были окончательно уничтожены в нач. XIX в.; от крепости кон. XI в. сохранились лишь Епископские ворота с частью захаба.

⁷ *Лалазаров С. В.* Церковь Георгия в Старой Ладогe. Архитектурные истоки и место храма в новгородском зодчестве XII в. // Староладожский сборник. Материалы VII конференции «Северо-Западная Русь: Междисциплинарные исследования». Старая Ладога – СПб., 1999. С. 11.

вым известным примером храма с палатками на хорах в новгородской архитектуре⁸.

5. Появление квадратных столбов. Княжеские соборы начала XII в., подобно киевским храмам этого периода, имели крестчатые столбы. В Рождественском соборе Антониева монастыря восточные столбы имели Т-образную форму, а западные подкупольные столбы – восьмигранную. Позднее восьмигранные и круглые столбы встречаются в псковском Иоанновском соборе и, предположительно, в некоторых других памятниках новгородского круга 30–50-х гг. XII в. Появление в новгородской архитектуре квадратных столбов кажется достаточно неожиданным решением. Дело в том, что восьмигранные и круглые столбы использовались и ранее – в сооружениях XI в. в качестве вспомогательных опор; квадратные же столбы в древнерусском зодчестве XI – начала XII в. практически неизвестны. Исключение составляют два переславских памятника: собор Михаила Архангела и храм-усыпальница (церковь Спаса).

6. Появление нового типа декоративного оформления верхней части барабана. Барабаны новгородских храмов первой четверти XII в. завершались рядом кокошников, венчающих купол. Такое же завершение имели барабаны киевских памятников XI – начала XII в. Барабаны всех сохранившихся новгородских построек, датированных временем после 1130-х годов, завершаются карнизом с аркатурным поясом. Наиболее ранними постройками с таким завершением барабанов являются Ивановский собор и собор Мирожского монастыря во Пскове (среди памятников, сохранившихся в основном объеме)⁹.

* * *

Был ли процесс сложения новгородской архитектурной школы чередой постепенных эволюционных изменений, протекавших в русле одной, единожды принесенной традиции, или на развитие этого процесса влияли внешние факторы, объяснимые контактами новгородских строителей со строительными коллективами других культурных центров Древней Руси? Традиционно считается, что единственным внешним импульсом, принципиальным образом повлиявшим на ход дальнейшего развития новгородского зодчества, является создание собора Мирож-

⁸ По предположению Вл. В. Седова, замкнутые помещения на хорах, в которых были размещены приделы, имелись в церкви Иоанна на Опоках 1127–1130 гг. (*Седов Вл. В. Придел на хорах церкви Спаса на Нередице // Церковь Спаса на Нередице: от Византии к Руси. К 800-летию памятника. М., 2005. С. 56*). Однако, на наш взгляд, более вероятно, что подобная композиция хор Иоанновской церкви возникла в результате перестройки 1184 г.

⁹ Впервые отличия в декорировке барабанов ранних новгородских храмов и построек более позднего времени были отмечены П. Н. Максимовым, который рассматривал это явление как «русификацию» византийских форм (*Максимов П. Н. Зарубежные связи в архитектуре Новгорода и Пскова XI – начала XIV веков // АН. Вып. 12. М., 1960. С. 28*).

ского монастыря, строительством которого руководил византийский зодчий. Автор настоящей работы склоняется к тому, что подобных внешних факторов было гораздо больше, а взаимовлияние архитектуры разных центров, особенно в первой половине XII в., было более сильным, чем это считается обычно. Как правило, процесс становления новгородской архитектурной традиции, то есть процесс сложения новгородской архитектурной школы, представляется цепочкой постепенных эволюционных изменений. Такая схема нам представляется чересчур упрощенной. На наш взгляд, становление новгородской архитектурной традиции, имея в качестве базиса киевский тип храма, происходит в результате синтеза двух принципиально отличных друг от друга архитектурных направлений, представленных постройками 30–50-х гг. XII в. Эти направления и не являются замкнутыми в себе явлениями, а, подобно памятникам предшествующего периода, находят точки соприкосновения с архитектурой других древнерусских центров. В таком случае процесс сложения новгородской школы можно представить в виде классической философской формулы: *тезис – антитезис – синтез*.

Базис: Княжеские храмы начала XII в. и Рождественский собор Антониева монастыря

Зарождение архитектурной школы предполагает появление стилистических изменений в постройках. Постепенно накапливающиеся и воспроизводящиеся стилистические новации со временем приводят к созданию нового архитектурно-художественного образа. Так складывается архитектурная школа.

Иногда художественное своеобразие отчетливо просматривается уже в первых сооружениях, построенных на новом месте. Чаще же бывает наоборот: первые постройки оказываются стилистически зависимыми от зданий, возводимых в центре происхождения принесенной архитектурной традиции, а самостоятельные стилистические черты появляются лишь спустя более или менее длительное время. Они рождаются как результат художественно-эстетического освоения архитектурной формы зодчим и заказчиком. Формирование новой архитектурной школы в таком случае оказывается процессом постепенного преодоления художественной зависимости построек от исходных образцов. Именно с таким вариантом становления самостоятельной архитектурной традиции мы встречаемся в Новгороде.

В течение пятидесяти лет после возведения в середине XI в. Софийского собора монументальное строительство в Новгороде не велось. Несомненно, что после завершения строительства Софийского собора

мастера, возводившие этот храм, возвращаются в Киев¹⁰. Зарождение самостоятельной новгородской строительной традиции происходит в начале XII в. и связано с появлением в Новгороде новых строительных кадров.

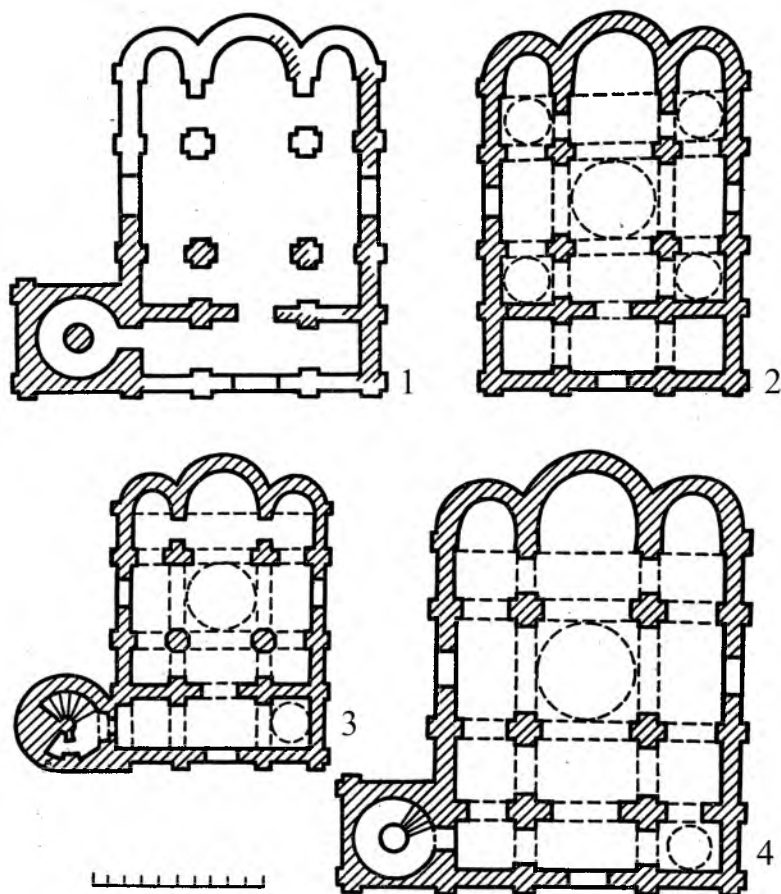

Рис. 1. Новгородские храмы первой четверти XII в. Планы: 1 – церковь Благовещения на Городище; 2 – Николо-Дворищенский собор; 3 – Рождественский собор Антониева монастыря; 4 – Георгиевский собор Юрьева монастыря (по П. А. Раппопорту)

¹⁰ Раппопорт П. А. Древнерусская архитектура. СПб., 1993. С. 38; Штендер Г. М. Зодчество Великого Новгорода XI–XIII вв. Очерки // Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области. Каталог. СПб., 2008. С. 567.

Начальный этап новгородского строительства представлен серией больших шестистолпных храмов. Это церковь Благовещения на Городище, Николо-Дворищенский собор, Рождественский собор Антониева монастыря и Георгиевский собор Юрьева монастыря (рис. 1)¹¹. Исследователи единодушно отмечают близость этих построек памятникам киевского зодчества конца XI–XII в. «Своеобразие церкви Благовещения, Никольского и Георгиевского соборов не настолько существенно, чтобы их можно было отрывать от киевских памятников», – замечал П. А. Раппопорт¹².

Ранние новгородские храмы имеют такую же структуру плана, что и киевские памятники конца XI – начала XII в.: это трехнефные, трехапсидные храмы с нартексом, с крестчатыми столбами и плоскими лопатками. Для киевских построек такая оценка, однако, представляется чересчур упрощенной. Классическая трехнефная плановая схема имела разные варианты, отражающиеся на общей композиции. Отдельную группу в ряду трехнефных храмов составляли постройки с дополнительным членением восточной части (Михайловский собор Выдубицкого монастыря, собор Кловского монастыря, церковь Бориса и Глеба в Вышгороде). Наличие дополнительных внутренних стенок в Мономаховом суздальском соборе¹³ и в соборе Михайловского Златоверхого монастыря¹⁴ позволяет сделать вывод и о возможных инвариантах организации интерьерного пространства. Различным могло быть и завершение построек: перекрытия разных частей могли располагаться на разных уровнях и иметь различную структуру. Основным объемом практически всех киевских храмов этого периода дополнялся пристроенными вспомогательными объемами (галереями, притворами, капеллами), что делало общую композицию более сложной и динамичной.

Все новгородские храмы этого времени относятся к простому типу храмов с нартексом (без дополнительного членения восточной части). Какие-либо пристройки к основному объему (за исключением объема лестничной башни) отсутствуют. Новгородские храмы меньше большинства киевских построек конца XI – начала XII в. Большинство киевских храмов этого времени (Успенский собор Печерского монастыря, Михайловский Златоверхий собор, церковь Спаса на Берестове,

¹¹ Домонгольская церковь Благовещения была разрушена еще в древности. В XIV в. на ее месте был построен новый храм. От церкви начала XII в. до настоящего времени сохранились лишь фундаменты и нижние части стен. Остальные сооружения этого периода сохранились в основном объеме, хотя и дошли до наших дней в перестроенном виде.

¹² Раппопорт П. А. Зодчество Древней Руси. Л., 1986. С. 72.

¹³ Зыков П. Л. Собор Владимира Мономаха в Суздале. Плановая и пространственная композиция. Материалы к реконструкции // Труды Государственного Эрмитажа. Вып. LIII. Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков. Материалы международного семинара 17–21 ноября 2009 года. СПб., 2010. С. 366–368.

¹⁴ Ивакин Г. Ю. Раскопки Михайловского Златоверхого собора в Киеве // Государственный Эрмитаж. Средневековая архитектура и монументальное искусство. Раппопортские чтения. СПб., 1999. С. 40. Рис. 1.

церковь Бориса и Глеба в Вышгороде), а также Мономахов собор в Суздале, относящийся к этой же архитектурной традиции, по своим плановым размерам превышают новгородские постройки в полтора раза. Новгородские храмы начального периода близки тем из построек киевского круга конца XI – начала XII в., которые по киевским меркам можно считать незначительными (Михайловский собор Выдубицкого монастыря, собор Кловского монастыря (трехнефное ядро храма), большой собор Зарубского монастыря, церковь в усадьбе Художественного института).

Принципиальным отличием ранних новгородских построек от храмов киевского круга являются их высотные характеристики. В южнорусских памятниках высота стен превышает ширину центрального нефа в 2–2,5 раза, в Николо-Дворищенском соборе – в 3,5 раза¹⁵. Примерно такое же соотношение имеют эти величины в Георгиевском соборе Юрьева монастыря и в Рождественском соборе Антониева монастыря. Стройные пропорции, несомненно, явились важным элементом художественной выразительности новгородских построек, особенно если учесть большую роль силуэта в новгородской архитектуре начального этапа: ведь три храма из четырех были построены за пределами города.

Другим композиционным отличием новгородских храмов начального периода является вынос за пределы основного объема лестничной башни. В киевских постройках XI – начала XII в. лестничная башня располагалась в пределах нартекса или галерей храма. Лишь в двух случаях – в соборе Выдубицкого монастыря и в церкви Спаса на Берестове – лестничная башня несколько выступала за линию внешней стены храма, образуя ризалит на боковом фасаде. В новгородских храмах башня выглядит самостоятельным объемом, примыкающим к храму снаружи. В древнерусской архитектуре XI – начала XII в. есть лишь один пример подобного расположения башни – это Спасо-Преображенский собор в Чернигове. Вероятно, вынос башни за пределы основного объема во многом объясняется причинами функционального характера: необходимостью увеличить «полезную площадь» храма. В первую очередь это касается размеров хор. Расположение башни в пределах нартекса делало невозможным (или очень затруднительным) устройство П-образных хор. Поскольку крайнее членение нартекса было занято башней с винтовой лестницей, хоры могли либо располагаться только над нартексом, либо иметь Г-образую в плане форму.

Все новгородские постройки домонгольского времени возведены в технике смешанной кладки: из плинфы и известняковой плиты. В отличие от киевских построек в новгородских храмах валуны использовались лишь в забутовке и не выходили на поверхность стен. Из плинфы, в технике кладки со скрытым рядом, были выполнены лишь арочные

¹⁵ *Комеч А. И.* Древнерусское зодчество конца X – начала XII в. Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. М., 1987. С. 303–304; *Штендер Г. М.* Указ. соч. С. 572.

конструкции: подпружные арки, перемычки проемов и завершения ниш. Несомненно, особенности материала и иная техника кладки должны были отразиться на тектонике стеновых плоскостей. Широкое применение известняковой плиты затрудняло выполнение декоративных элементов (поясов меандра, небольших ниш, колонок). Это делало стеновые плоскости более лаконичными, подчеркнуто монументальными. Художественный образ формировался не столько за счет декора, сколько за счет выявления конструктивной составляющей сооружения.

К сожалению, о декоративном оформлении фасадов ранних новгородских храмов известно немного. Значительных участков первоначальной фасадной обмазки не зафиксировано ни на одном из ранних новгородских памятников. Первое документальное свидетельство о штукатурке фасадных поверхностей относится к 1151 г. Под этим годом в Новгородской первой летописи сообщается о штукатурке фасадов Софийского собора¹⁶. Между тем одним из стереотипов художественного восприятия киевских и новгородских памятников является представление об открытой «полосатой» фактуре кладки первых и о полностью затертых обмазкой фасадах вторых. Такое представление, однако, кажется слишком упрощенным и нуждающимся в уточнении.

Имеющиеся к настоящему времени данные позволяют сделать вывод о многообразии художественных приемов отделки фасадов в памятниках древнерусской архитектуры XI – начала XII в. При исследовании Новгородской Софии Г. М. Штендером было выделено несколько типов обработки фасадных поверхностей¹⁷. Все эти типы находят аналогии в южнорусских памятниках. Надо полагать, среди памятников киевского круга вообще не было построек, где отделка поверхностей стен обеспечивалась лишь декоративными возможностями каменно-кирпичной кладки. Большую роль в оформлении фасадов играли декоративная штукатурка и фресковая роспись. Конечно, вряд ли можно согласиться с мнением Г. Н. Логвина о сплошной штукатурке фасадов киевских построек XI – начала XII в.¹⁸ В то же время можно констатировать, что значительные участки фасадов киевских храмов закрывались обмазкой, причем есть основания говорить о тенденции к увеличению площади оштукатуренных поверхностей к началу XII в.

У большинства исследователей нет сомнений в том, что фасадные ниши южнорусских храмов XI – начала XII в. покрывались штукатуркой и фресковой росписью, а отдельные участки фасадов закрывались обмазкой с графьей и росписью, имитирующей квадратную или плинфяную кладку¹⁹. Участки фасадной штукатурки с имитацией квадратной

¹⁶ НПЛ. С. 28–29.

¹⁷ Штендер Г. М. К вопросу о декоративных особенностях строительной техники Новгородской Софии (по новым материалам исследований) // Культура Средневековой Руси. Посвящается 70-летию М. К. Каргера. Л., 1974. С. 202–212.

¹⁸ Логвин Г. Н. О первоначальном облике храмов Киевской Руси // Архитектура Киева. Киев, 1982. С. 62–70.

¹⁹ Орлова М. А. Указ. соч. С. 119–132.

или плинфяной кладки были выявлены практически на всех памятниках киевского круга конца XI – начала XII в.²⁰ Такую же декорировку имели и ранние черниговские памятники²¹. Основной вопрос заключается в том, насколько большую площадь занимали поверхности, оформленные таким образом²².

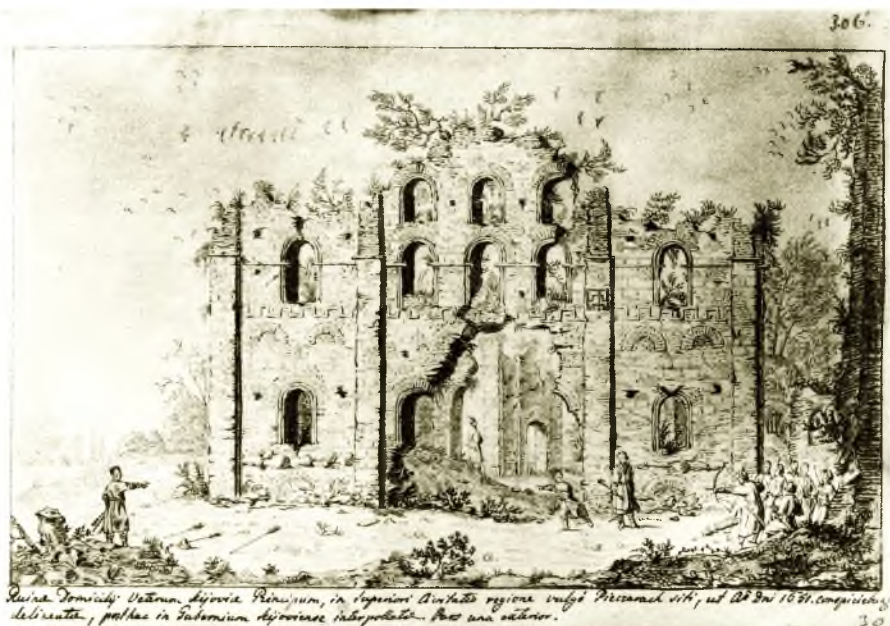

Рис. 2. Неизвестный киевский храм.

Рисунок А. ван Вестерфельда 1651 г. (опубликован: Смирнов Я. И. Рисунки Киева 1651 г. по копиям их конца XVIII века // Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославе, 1905. М., 1908. Т. 2. Табл. VII. Рис. 2).

В этой связи интересным представляются рисунок А. ван Вестерфельда 1651 г., на котором изображен неизвестный киевский храм (рис. 2). Исследователи расходятся во мнениях относительно атрибуции этой постройки. По мнению киевского историка начала XX в.

²⁰ Успенский собор Печерского монастыря (Холостенко М. В. Успенський собор Печерського монастиря // Стародавній Київ. Київ, 1975. С. 113), церковь в усадьбе Художественного института (Каргер М. К. Древний Киев. Т. 2. С. 398, 401. Рис. 143), Михайловский Златоверхий собор (Ивакин Г. Ю. Указ. соч. С. 40), собор Владимира Мономаха в Суздале (Зыков П. Л. Указ. соч. С. 365–366).

²¹ Холостенко Н. В. Исследования Борисоглебского собора в Чернигове // СА. 1967. № 2. С. 197.

²² Орлова М. А. Указ. соч. С. 119–120, 124.

Я. И. Смирнова, на рисунке изображен храм Феодоровского Вотча монастыря (1128 г.)²³. М. К. Каргер определил этот храм как собор Михайловского Златоверхого монастыря²⁴, а Н. В. Холостенко – как собор Кловского монастыря²⁵. Ю. С. Асеев, не разделяя ни одну из этих точек зрения, затруднялся соотнести храм на рисунке А. ван Вестерфельда с какой-либо известной постройкой²⁶.

Изображенный на рисунке храм, судя по участкам стен с утраченной штукатуркой, возведен в технике кладки со скрытым рядом. Помимо характера кладки, на близость этого храма киевским памятникам XI – начала XII в. указывают пояс меандра, шиферные плиты, расположенные в основании арок, а также крест (или княжеский знак), выложенный из плинфы на лопатке западного фасада. В то же время, несмотря на эти, казалось бы, архаические черты, *практически вся площадь* западного фасада храма покрыта обмазкой, разграфленной «под квадраты».

Использование приема имитации квадратной или плинфяной кладки, вероятно, объясняется экономическими причинами. Такой прием давал экономии времени и материалов, при этом он оказывался проще в исполнении²⁷. Художественный эффект при этом не утрачивался, а оставался практически таким же, что и при традиционной кладке со скрытым рядом. Возможно, в ряде случаев использование этого приема объясняется нехваткой квалифицированных мастеров, способных качественно выполнять сложные элементы кладки, а также стремлением к дешевизне и сокращению сроков строительства.

Данные, полученные при реставрации новгородских памятников, позволяют с уверенностью говорить, что арочные перемычки окон и ниш, карнизы закомар и декоративные элементы барабанов домонгольских храмов Новгородской земли либо не штукатурились, либо раскрашивались по штукатурке, имитируя кладку со скрытым рядом²⁸. Ниши и оконницы покрывались росписью²⁹.

В процессе изучения фасадного декора новгородского Софийского собора Г. М. Штендером был поставлен вопрос о возможном использовании приема имитации кладки из квадров в отделке барабанов первых новгородских храмов³⁰. Учитывая большое влияние на новгородскую архитектуру начала XII в. художественных особенностей Софийского собора, где в отделке малых барабанов использован аналогичный прием, такое предположение выглядит весьма вероятным. В то же время необходимо признать, что данных о декоративном оформлении сте-

²³ Смирнов Я. И. Рисунки Киева 1651 г. по копиям их конца XVIII века // Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославе, 1905. М., 1908. Т. 2. С. 484–487.

²⁴ Каргер М. К. Древний Киев. Т. II. М.; Л., 1961. С. 283.

²⁵ Асеев Ю. С. Архитектура древнего Киева. Киев, 1982. С. 111.

²⁶ Там же.

²⁷ Штендер Г. М. К вопросу о декоративных особенностях... С. 211.

²⁸ Штендер Г. М. Зодчество Великого Новгорода... С. 571.

²⁹ Орлова М. А. Указ. соч. С. 157–162.

³⁰ Штендер Г. М. К вопросу о декоративных особенностях... С. 211–212.

новых плоскостей ранних новгородских построек крайне мало. Исходя из наличия росписи, имитирующей кладку арочных конструкций, можно лишь предположить, что подобная роспись (имитирующая каменную или кирпичную кладку) существовала и на основной площади стен³¹.

В свете изложенных соображений разница в декорировке фасадов между киевскими и новгородскими памятниками может оказаться не такой уж значительной. Приемы оформления фасадов новгородских построек (имитация плинфяной или квадратной кладки) говорят об ориентации новгородских строителей на киевскую архитектуру. Мы видим, что такие же приемы декорации использовались и киевскими мастерами, хотя, возможно, не столь широко. С другой стороны, новгородским строителям была хорошо известна киевская техника кладки со скрытым рядом (арочные элементы новгородских построек выполнялись в этой технике в течение всего домонгольского периода), однако при возведении стен они сознательно отказываются от нее, пытаясь найти более дешевые и простые способы достижения такого же декоративного эффекта. Работа инженерно-экономической мысли в этом направлении прослеживается и в памятниках киевского зодчества. В новгородской архитектуре эти технические приемы находят особо широкое применение благодаря использованию местного строительного материала – известняковой плиты. Если это так, то декоративные особенности новгородских храмов во многом объясняются условиями строительства, прежде всего отсутствием необходимого количества квалифицированных мастеров, а также требованиями заказа, выразившимся в поиске более быстрых и экономичных методов строительства.

Многие из особенностей новгородских храмов начала XII в. справедливо объясняются исследователями влиянием новгородского Софийского собора.

Бесспорным свидетельством влияния Новгородской Софии признается пятиглавие Николо-Дворищенского собора (рис. 3). Действительно, пятиглавые храмы в южнорусской архитектуре неизвестны. Попытки ряда исследователей представить некоторые из киевских памятников как пятиглавые³² представляются несостоятельными, так как не имеют достоверного архитектурно-археологического или иконографического подтверждения.

³¹ Орлова М. А. Указ. соч. С. 159. См. также: Новосёлов Н. В. Стилистическое своеобразие или провинциальный вариант? (К вопросу о стилистических особенностях новгородских храмов первой четверти XII в.) // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Материалы тематической научной конференции. СПб., 2004. С. 40–43.

³² Логвин Н. Г. Церковь Спаса на Берестове в Киеве // Строительство и архитектура. Киев. 1983. № 7. С. 28; Она же. К вопросу о строительной технике и формах архитектурных сооружений Киева X – начала XII в. // Труды V международного конгресса славянской археологии. Киев. 18–25 сентября 1985 г. Т. III. Вып. 2а. Секция VI. М., 1987. С. 169–176; Вагнер Г. К. Проблема жанров в архитектуре Древней Руси // АН. М., 1988. Вып. 36. С. 4.

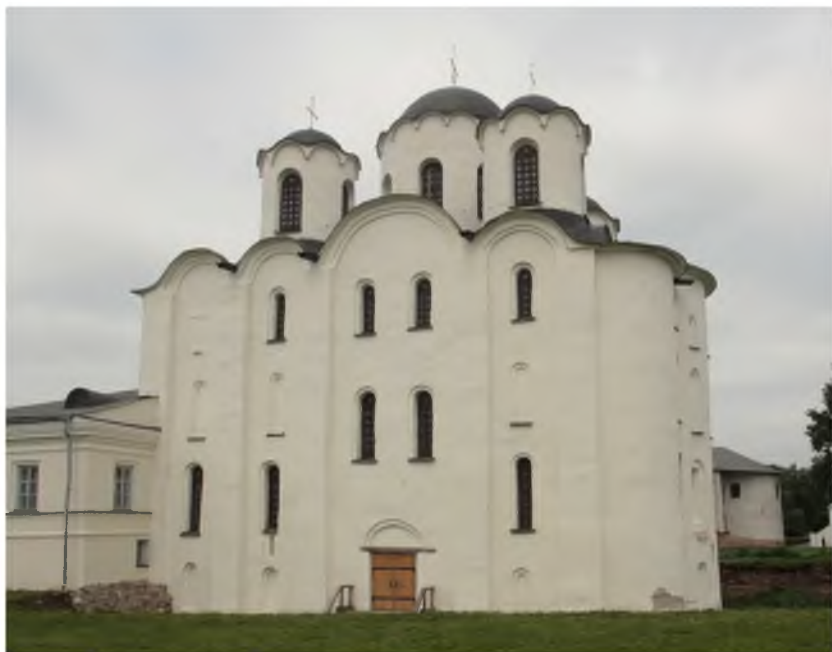

Рис. 3. Николо-Дворищенский собор.
Вид с северо-востока (фото автора)

Другим свидетельством влияния Софийского собора обычно считаются высотные характеристики ранних новгородских храмов. По мнению А. И. Комеча, увеличенная по сравнению с южнорусскими памятниками высота новгородских храмов объясняется условиями заказа и связана с требованием создать хоры, равные по высоте хорам Софийского собора³³. Это предположение, разделяемое большинством исследователей, недавно было подвергнуто сомнению А. В. Амосовым. По мнению М. В. Амосова, высота хор является едва ли не единственной характеристикой, роднящей новгородские храмы начала XII в. с Софийским собором; соотношения же основных плановых размеров у Софийского собора и у новгородских построек начала XII в. различные³⁴. С такой же вероятностью, считает исследователь, объемные пропорции ранних новгородских построек могут быть объяснены влиянием Успенского собора Печерского монастыря, хоры которого были расположены примерно на той же высоте³⁵.

³³ Комеч А. И. Указ. соч. С. 304.

³⁴ Амосов М. В. Становление государственности древнего Новгорода и монументальное зодчество. М., 2007. С. 51.

³⁵ Там же. С. 52. Отметим, что примерно на такой же высоте расположены хоры в церкви Спаса на Берестове.

Между тем А. И. Комеч указывает и на другие отличительные особенности новгородских храмов начала XII в., свидетельствующие, по его мнению, о влиянии на их архитектуру новгородского Софийского собора.

Одной из таких особенностей являются подковообразные очертания апсид. В Софийском соборе ширина апсид и нефов равна, а апсиды не отделены от нефов заплечиками. Апсиды новгородских храмов начала XII в. (кроме собора Антониева монастыря), подобно киевским постройкам этого же времени, имеют выступающие заплечики, сокращающие ширину апсид. Однако к востоку заплечики сводятся на нет, и ширина апсид оказывается равной ширине нефов³⁶. Объяснить данное архитектурное решение можно лишь ориентацией мастеров на новгородский кафедральный собор³⁷.

Другой особенностью, свидетельствующей о влиянии Софии, по мнению А. И. Комеча, является характер расположения оконных проемов в Николо-Дворищенском и Георгиевском соборах. Центральные прясла северного и южного фасадов этих храмов прорезаны двумя парами окон, расположенными на двух уровнях (рис. 3). Композиции из четного числа проемов неизвестны в сохранившихся киевских памятниках, где в центральных пряслах всегда располагалось по три окна, однако такое же расположение имеют окна основного объема Софийского собора³⁸.

Аргументы, приводимые А. И. Комечем в качестве доказательства влияния на новгородские храмы начала XII в. Софийского собора, можно дополнить следующими наблюдениями.

Центры закомар новгородских построек расположены на одном уровне, и малые закомары поднимаются практически так же высоко, как и центральные. В киевских памятниках такое архитектурное решение впервые встречается в Михайловском Златоверхом соборе (1108–1112 гг.) и в надвратной Троицкой церкви Печерского монастыря (около 1106 г.). В отношении киевских памятников Ю. С. Асеев рассматривал эту особенность как характерную черту архитектуры XII в.³⁹ Стоит, однако, отметить, что на одном уровне закомары были расположены и в новгородском Софийском соборе.

Малые апсиды новгородских храмов имеют такую же высоту, как и центральные. Так же соотносятся высоты апсид и в новгородском Софийском соборе. В киевских памятниках XI–XII вв. малые апсиды понижены относительно центральной, а своды угловых членений наоса

³⁶ Впервые эта особенность новгородских памятников была отмечена К. Н. Афанасьевым (*Афанасьев К. Н.* Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М., 2002. Воспроизведение издания 1961 г. С. 79–80).

³⁷ *Комеч А. И.* Указ. соч. С. 304.

³⁸ Там же. С. 304. Стоит, между тем, отметить, что о расположении окон киевских построек мы можем судить лишь по сохранившимся памятникам, которые относятся к храмам больших размеров. О характере расположения окон в небольших храмах (наиболее близких по своим размерам к новгородским постройкам) данные отсутствуют.

³⁹ *Асеев Ю. С.* Указ. соч. С. 93, 99–100.

развернуты в направлении север – юг⁴⁰. Вероятно, таким же было направление этих сводов и соотношение высот апсид и в ранних черниговских памятниках⁴¹. Первым известным киевским памятником с иным направлением сводов угловых членений (запад – восток) является надвратная Троицкая церковь Печерского монастыря⁴². Для создания равновеликих апсид в новгородских храмах потребовалось изменить направление сводов в восточных угловых членениях наоса, развернув их по оси запад – восток. Такая же конструктивная схема использована и при строительстве Новгородской Софии.

Интересно отметить, что строители новгородских храмов начала XII в. ориентируются не только на архитектурные формы и конструкции Софийского собора, но и на такие, казалось бы, незначительные детали, как формат плинфы. По своим размерам и пропорциям плинфа новгородских построек начала XII в. отличается от плинфы киевских памятников и близка плинфе Софии⁴³.

Близкая композиционная схема и однородность архитектурных решений позволяла исследователям рассматривать новгородские храмы начала XII в. как единую типологическую группу, в художественном отношении представляющую собой «сплав киевской традиции и подражания Софии Новгородской»⁴⁴.

В общем ряду новгородских построек первой четверти XII в. выделяется Рождественский собор Антониева монастыря. По ряду формальных признаков он близок остальным храмам этого периода. «Общая композиция настолько сближает собор с княжескими памятниками, что участие в его создании тех же зодчих становится весьма вероятным», – замечал А. И. Комеч⁴⁵. Действительно, плановая схема, пропорции, высотные характеристики, трехглавая композиция завершения, расположение лестничной башни – все это роднит Рождественский собор с княжескими постройками. В то же время этот храм обладает и рядом особенностей, которые отсутствуют в других сооружениях этого периода, но находят отклик в постройках новгородского круга более позднего времени.

⁴⁰ Софийский собор, Успенский собор Печерского монастыря, Михайловский Златоверхий собор.

⁴¹ Успенский собор Елецкого монастыря (*Холостенко Н. В.* Архитектурно-археологическое исследование Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове // Памятники культуры. Исследование и реставрация. М., 1961. Вып. 3. С. 60).

⁴² Возможно, такое же направление сводов угловых ячеек и равновеликие апсиды были и в киевской Кирилловской церкви. (*Холостенко Н. В.* Новые данные о Кирилловской церкви в Киеве // Памятники культуры. Исследование и реставрация. М., 1960. Вып. 2. С. 16). Судя по фотографиям начала XX в., равновеликие апсиды имела и церковь Успения Пирогоща в Киеве.

⁴³ Доклад Д. Д. Ёлпина на конференции памяти Анны Мачинской в Старой Ладогe 23 декабря 2012 г.

⁴⁴ *Комеч А. И.* Указ. соч. С. 305–306.

⁴⁵ Там же. С. 309.

Одной из отличительных особенностей Рождественского собора является форма столбов: восточные подкупольные опоры имеют Т-образную, а западные – восьмигранную форму. Замкнутость формы западных подкупольных столбов объединяет пространство наоса, придавая западной части интерьера зальный характер. Наоборот, Т-образные восточные опоры, развернутые широкой частью в наос, рождают ощущение единой стены, прорезанной высокими арками, которая отделяет алтарную часть храма⁴⁶. Обособленность алтарной части подчеркивалась и сплошной алтарной преградой, имевшей высоту около 5 м⁴⁷.

В отличие от Николо-Дворищенского и Георгиевского соборов Рождественский собор имеет каменные плиты в пятах арок. Плиты отличались по толщине: в подкупольных столбах использовались толстые плиты крестчатой формы, напоминающие капители, а в лопатках – более тонкие. Такие же плиты имелись и на фасадных лопатках основного объема храма. На лопатках нартекса плиты отсутствовали⁴⁸. Каменные карнизные плиты, расположенные на нескольких уровнях в столбах и лопатках, известны и в киевских постройках. Однако там они выполняют, главным образом, декоративную функцию, подчеркивая ярусность сооружения. Использование в столбах Рождественского собора массивных каменных плит может иметь конструктивное значение: наличие плит облегчало переход от столбов к пятам арок⁴⁹.

Еще одним отличием Рождественского собора от других храмов этого периода является иная композиция фасадов. На фасадах Рождественского собора отсутствуют ниши, а окна центральных прясел северного и южного фасадов образуют пирамидальную композицию из трех проемов⁵⁰. Позднее подобная композиция фасадов встречается в старолadoжских храмах Успения и Георгия и в новгородских постройках последней четверти XII в.⁵¹ Среди киевских построек конца XI – начала XII в. похожую композицию боковых фасадов имела надвратная Троицкая церковь Киево-Печерского монастыря. В центральных пряслах северного и южного фасадов этого памятника находятся по два окна, расположенных по одной оси. В сочетании с находящимися ниже нишами они образуют пирамидальную композицию.

⁴⁶ Комеч А. И. Указ. соч. С. 311.

⁴⁷ Сарабьянов В. Д. Новгородская алтарная преграда домонгольского времени // Иконостас. Происхождение – Развитие – Символика. М., 2000. С. 318.

⁴⁸ Штендер Г. М., Ковалева В. М. О формировании древнего архитектурного облика собора Антониева монастыря в Новгороде // КСИА. 1982. Вып. 171. С. 57.

⁴⁹ Комеч А. И. Указ. соч. С. 310–311.

⁵⁰ Впервые это было отмечено Г. М. Штендером. См.: Штендер Г. М. Архитектура домонгольского периода (XI–XII вв. – начало XIII в.) // Гладенко Т. В., Красноречев Л. Е., Штендер Г. М., Шуляк Л. М. Архитектура Новгорода в свете последних исследований // Новгород: к 1100-летию города. Сб. статей. М., 1964. С. 190; Он же. Новгородское зодчество. Работы Новгородской реставрационной мастерской за последние 20 лет // ДРИ. Художественная культура Новгорода. М., 1968. С. 350.

⁵¹ Комеч А. И. Композиция фасадов новгородских церквей XII–XIII вв. // ДРИ. Художественная культура X – первой половины XIII в. М., 1988. С. 101–111.

В ходе обследования верхних частей Рождественского собора, проведенного В. М. Ковалевой и Г. М. Штендером, было установлено, что формирование архитектурного облика здания происходило в два этапа. На первом этапе был выстроен четырехстолпный объем храма, а на втором этапе к нему был пристроен нартекс с лестничной башней⁵². Западная стена первоначального объема после пристройки нартекса оказалась в интерьере. В центральной части она была растесана на всю высоту, а в боковых частях – до уровня хор. Выводы о разновременности основного объема и нартекса были подтверждены при археологических исследованиях нижних частей храма, проводившихся в 1985 г. под руководством Вал. А. Булкина⁵³.

Таким образом, на первом этапе строительства Рождественский собор представлял собой четырехстолпный одноглавый храм с полностью завершенной внешней отделкой⁵⁴. В этом виде храм сильно отличался от других новгородских построек начала XII в. и казался сооружением, близким новгородским храмам позднейшего времени. Ю. Б. Бирюковым было замечено, что в первоначальном варианте Рождественский собор по своим размерам и пропорциям был близок надвратной Троицкой церкви Печерского монастыря⁵⁵. С учетом близкой композиции фасадов этих памятников, данное наблюдение кажется особенно интересным.

Важнейшим вопросом строительной истории Рождественского собора является вопрос о времени пристройки нартекса и лестничной башни. По мнению Г. М. Штендера и В. М. Ковалевой, нартекс собора был пристроен спустя значительный промежуток времени после возведения четырехстолпного объема – в 30–40-е гг. XII в. Об этом, по мнению исследователей, свидетельствуют следующие данные:

Во-первых, к моменту пристройки нартекса западная стена основного объема была уже оштукатурена и имела законченное декоративное оформление (роспись, имитирующую арочную кладку со скрытым рядом)⁵⁶.

Во-вторых, при обследовании окна в тимпане южной закомары первоначальной западной стены было обнаружено, что первоначальная фасадная штукатурка перекрывает грунт интерьерной росписи, которая была создана к 1125 г. Следовательно, фасады храма оштукатурены после 1125 г., а нартекс был пристроен спустя еще какое-то время⁵⁷.

Привлечение косвенных данных, по мнению Г. М. Штендера и В. М. Ковалевой, позволяет уточнить время пристройки нартекса. Про-

⁵² Штендер Г. М., Ковалева В. М. Указ. соч. С. 54–57.

⁵³ Булкин Вал. А. Новгородское зодчество начала XII в. по новым археологическим материалам // ДРИ. Русь и страны византийского мира: XII век. СПб., 2002. С. 274–282, 284.

⁵⁴ Штендер Г. М., Ковалева В. М. Указ. соч. С. 56.

⁵⁵ Бирюков Ю. Б. Взаимосвязь форм новгородско-псковской архитектуры первой половины XII века // АИППЗ. Вып. 16. Псков, 1996. С. 45.

⁵⁶ Штендер Г. М., Ковалева В. М. Указ. соч. С. 54.

⁵⁷ Там же. С. 56.

ведение данных работ, считали ученые, может свидетельствовать об изменении отношения главы монастыря к монастырскому укладу. Это могло произойти после того, как основатель монастыря, Антоний Римлянин, стал игуменом (1131 г.) или после его смерти (1147 г.).⁵⁸

Предложенной датировке, однако, противоречат данные, полученные в процессе археологических исследований и при изучении древней стенописи. В ходе шурфовки, проведенной Вал. А. Булкиным, на южной грани северо-западного столба (образовавшегося в результате растески первоначальной западной стены храма) была выявлена древняя фресковая роспись⁵⁹. Это может указывать на то, что перестройка собора производилась до росписи храма (до 1125 г.). К открытию Вал. А. Булкина можно добавить наблюдения В. Д. Сарабьянова. По мнению исследователя, роспись откосов окон западной стены по своим стилистическим и технологическим особенностям аналогична росписи откосов окон апсиды⁶⁰.

На наш взгляд близость или даже идентичность орнаментов оконных откосов в восточной и западной частях храма совершенно не обязательно должна свидетельствовать об одновременности их выполнения. Аналогичные стилистические и технологические особенности могут указывать лишь на хронологическую близость данных участков стенописи и на их исполнение одними и теми же мастерами (или мастерами, относящимися к одной и той же школе или профессиональному коллективу). Роспись откосов окон западной стены могла быть выполнена и спустя *небольшой промежуток времени* после росписи основного объема, при условии, если в ее создании участвовали те же мастера.

С другой стороны, в выводах В. М. Ковалевой и Г. М. Штендера также имеется противоречие. Нахлест фасадной штукатурки на грунт росписи 1125 г. ими был выявлен в средней части боковой грани окна, где находилась деревянная оконница, расположение которой реконструируется по «следам в виде вертикальной вмятины в штукатурке на толщину доски»⁶¹. Если исходить из этих данных, интерьерная роспись предшествовала фасадной штукатурке и установке оконницы. Установка же оконницы происходила одновременно с работами по оштукатуриванию фасада, при этом оконница была установлена до того, как высох штукатурный слой на откосе. Такая последовательность проведения работ кажется совершенно невероятной.

Нам представляется, что пристройка нартекса Рождественского собора происходила вскоре после росписи основного объема или, возможно, даже одновременно с ней. Таким образом, мастера, создавшие живописный ансамбль основной части храма, в скором времени при-

⁵⁸ Штендер Г. М., Ковалева В. М. Указ. соч. С. 58.

⁵⁹ Булкин Вал. А. Новгородское зодчество начала XII в... С. 278.

⁶⁰ Сарабьянов В. Д. Собор Рождества Богоматери Антониева монастыря // *Лифшиц Л. И., Сарабьянов В. Д., Царевская Т. Ю.* Монументальная живопись Великого Новгорода. Конец XI – первая четверть XII века. СПб., 2004. С. 539.

⁶¹ Штендер Г. М., Ковалева В. М. Указ. соч. С. 56, 60. Прим. 6.

ступили к работам по оформлению нартекса. Попробуем аргументировать эту точку зрения.

Во-первых, пристройка нартекса не являлась вторым этапом воплощением единого замысла. Об этом свидетельствует полностью законченная отделка фасадов четырехстолпного объема (при этом в интерьере стены до начала росписи не были оштукатурены⁶²), разный характер оформления стеновых плоскостей основного объема и нартекса, демонтаж в ходе пристройки нартекса верхних частей карниза первоначальной западной стены.

Во-вторых, по своим композиционным, конструктивным, и строительно-техническим особенностям, нартекс Рождественского собора отличается от основного объема храма и близок княжеским соборам, особенно Георгиевскому собору Юрьева монастыря⁶³. Это позволяет предположить, что строительство нартекса Рождественского собора велось мастерами, строившими Георгиевский собор, и, вероятно, уже после того, как Георгиевский собор был построен⁶⁴. В таком случае время строительства нартекса должно приходиться на середину 20-х гг. XII в.

Если считать, что нартекс Рождественского собора возводится после завершения строительства Георгиевского собора Юрьева монастыря, дата 1122 г., указанная в Новгородской третьей летописи и принимаемая некоторыми исследователями как дата завершения второго этапа строительства Рождественского собора⁶⁵, оказывается слишком ранней. Кроме того, весьма вероятно, что датировка известий, относящихся к истории Антониева монастыря 20-х гг. XII в., в Новгородской третьей летописи смещена относительно хронологии ранних летописных сводов на три года. Например, строительство каменной трапезной в монастыре, датируемое Новгородской первой летописью 1127 г., отнесено Новгородской третьей летописью к 1130 г.⁶⁶ В таком случае не исключено, что под 1122 г. Новгородская третья летопись сообщает о тех же событиях, что Новгородская первая летопись под 1119 г.

⁶² Сарабьянов В. Д. Указ. соч. С. 540, 542.

⁶³ Арочные конструкции основного объема Рождественского собора созданы в технике кладки со скрытым рядом с применением известняковой плиты, из которой выполнялись утопленные ряды; в нартексе Рождественского собора, так же как в Николо-Дворищенском и Георгиевском соборах, эти конструкции полностью кирпичные (*Новосёлов Н. В.* От Благовещения до Благовещения. Строительное производство Новгородской земли в период сложения местной архитектурной школы. СПб., 2002. С. 65). Западная стена нартекса Рождественского собора не имеет лопаток в интерьере, а внешние лопатки этой стены лишены карнизных плит (*Штендер Г. М., Ковалева В. М.* Указ. соч. С. 56–57). Башня Рождественского собора на уровне фундамента имела квадратную форму с раскреповкой в районе лопаток, следовательно, она задумывалась подобной башням церкви Благовещения и Георгиевского собора (*Булкин Вал. А.* Новгородское зодчество начала XII в... С. 283).

⁶⁴ *Новосёлов Н. В.* От Благовещения до Благовещения... С. 98

⁶⁵ НЗЛ. С. 188; *Булкин Вал. А.* Новгородское зодчество начала XII в... С. 285; *Сарабьянов В. Д.* Собор Рождества Богоматери Антониева монастыря... С. 539

⁶⁶ НПЛ. С. 21; НЗЛ. С. 189.

Обратим внимание на терминологию Новгородской первой летописи в сообщении о строительстве в 1127 г. в Антониевом монастыре каменной трапезной: «обложи игумен Антонии в Новегороде тряпезницу камену»⁶⁷. Еще Г. М. Штендером высказывалось предположение о том, что данное известие могло относиться к пристройке нартекса Рождественского собора⁶⁸. Действительно, «трапезной» или «трапезницей» в древнерусских текстах нередко называется нартекс или притвор храма⁶⁹. Используемый в летописной статье термин «обложи», на наш взгляд, обозначает не строительство самостоятельного здания, а возведение пристройки, примыкающей к уже существующему сооружению. Кроме того, используемая форма глагола указывает на законченное действие, то есть к 1127 г. строительство нартекса (если его связывать с этим сообщением) было завершено.

Изначально в храме не было хор⁷⁰. Появившиеся на втором этапе строительства хоры располагались лишь над нартексом и не выходили в боковые членения основного храмового пространства. Боковые части хор, отделенные от наоса западной стеной первоначального объема, представляли собой полузамкнутые помещения. Они сообщались с наосом через оконные проемы западной стены первоначального объема, которые после пристройки нартекса оказались в интерьере. В силу этого хоры Рождественского собора имеют совершенно иной характер, чем хоры Николо-Дворищенского и Георгиевского соборов, превращаясь, по выражению А. И. Комеча, «из части основного пространства в помещение рядом с ним»⁷¹. По мнению Вл. В. Седова, создание хор сложного композиционного решения (П-образных или Г-образных) не планировалось изначально, так как сочленение восьмигранной формы западных подкупольных столбов с дополнительными арками осуществить крайне трудно⁷².

Таким образом, Рождественский собор Антониева монастыря оказывается памятником, существенно отличающимся от других новгородских построек этого периода, во многом предвосхитившим дальнейшее развитие новгородского зодчества.

К архитектурной традиции первой четверти XII в. относится, вероятно, и церковь Иоанна на Опоках, построенная в 1127–1130 гг.⁷³ Этот памятник имеет сложную строительную историю. Храм 1127–1130 гг. просуществовал недолго. Уже в 1184 г. на его месте была воз-

⁶⁷ НПЛ. С. 21.

⁶⁸ *Сарабьянов В. Д.* Указ. соч. С. 538–539.

⁶⁹ В этом значении слово «трапезная» («трапеза») в церковном обиходе использовалась вплоть до конца XIX в. (см., напр.: *Дмитриевский И.* Историческое, догматическое и таинственное изъяснение Божественной литургии. М., 1993. Репринтное воспроизведение издания 1897 г. С. 107, 111).

⁷⁰ *Штендер Г. М., Ковалева В. М.* Указ. соч. С. 58.

⁷¹ *Комеч А. И.* Указ. соч. С. 310.

⁷² *Седов Вл. В.* Новый тип хор в древнерусской архитектуре XII в. С. 70.

⁷³ НПЛ. С. 21–22.

ведена новая церковь⁷⁴. В 1453 г. эта церковь также была разобрана, а на ее основании построен новый храм⁷⁵.

К сожалению, памятник изучен недостаточно. Археологические исследования удалось провести лишь с внешней стороны здания (авторы работ А. А. Пескова и П. А. Раппопорт), в интерьере раскопки не проводились.

Исследования храма показали, что при строительстве церкви 1184 г. были использованы фундаменты и нижние части стен постройки 1127–1130 гг.; точно так же при строительстве храма 1453 г. были использованы нижние части церкви 1184 г. и лежащие в ее основании остатки сооружения 1127–1130 гг.⁷⁶

По своим размерам и общей схеме плана церковь Иоанна на Опоках 1127–1130 гг. близка Николо-Дворищенскому собору. Храм не имел лестничной башни, примыкающей к основному объему снаружи. В ходе исследований было установлено, что при строительстве храма 1184 г. западная стена была передвинута на 1,4 м к западу⁷⁷. Данное обстоятельство позволило авторам исследования предположить, что перенос и утолщение западной стены храма было связано с необходимостью разместить в ней внутрестенную лестницу. Из этого следовал вполне закономерный вывод о том, что в храме 1127–1130 гг. внутрестенная лестница отсутствовала, а подъем на хоры осуществлялся, скорее всего, по винтовой лестнице, которая располагалась в одном из угловых членений нартекса⁷⁸. По предположению М. В. Амосова, подъем на хоры в храме мог осуществляться и через переход из соседнего здания, так же как и в Николо-Дворищенском соборе⁷⁹.

Согласно гипотезе О. М. Иоаннисяна, церковь Иоанна на Опоках, подобно Рождественскому собору Антониева монастыря, могла иметь круглые или восьмигранные столбы⁸⁰. Из анализа форм храма 1453 г. (рис. 4) такой вывод, однако, не следует. Восточные столбы церкви 1453 г. имеют в нижней части Г-образную форму (с лопатками, обращенными в центральный неф), а верхней части Т-образную форму. Остальные столбы храма имеют квадратное сечение. Внутренние лопатки в храме имеются лишь напротив восточных столбов. В западной части

⁷⁴ НПЛ. С. 37.

⁷⁵ НЗЛ. С. 274.

⁷⁶ Пескова А. А., Раппопорт П. А., Штендер Г. М. К вопросу о сложении новгородской архитектурной школы // СА. 1982. № 3. С. 37–39.

⁷⁷ Пескова А. А., Раппопорт П. А., Штендер Г. М. К вопросу о сложении новгородской архитектурной школы // СА. 1982. № 3. С. 39.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Амосов М. В. Указ. соч. С. 127.

⁸⁰ Иоаннисян О. М. Об отражении традиции новгородско-псковского зодчества в архитектуре Киева и Переяславля первой половины XII в. // Государственный Эрмитаж. Архитектурно-археологический семинар. Материалы заседания памяти Ю. П. Спегальского (1909–1969). 2 марта 2001 г. СПб., 2001. С. 42; Он же. Собор Иоанна Предтечи в Пскове и его место в архитектуре Руси XII в. // ДРИ. Художественная жизнь Пскова и искусство поздневизантийской эпохи. К 1100-летию Пскова. М., 2008. С. 11–12.

храма располагались хоры с замкнутыми палатками в угловых членениях. Перечисленные особенности характерны, скорее, для храмов конца XII в. Это дает основание полагать, что в церкви 1453 г. были повторены особенности храма в перестройке 1184 г. Существующие формы не дают ни малейшего намека на то, что в более ранней редакции храм имел круглые или восьмигранные столбы.

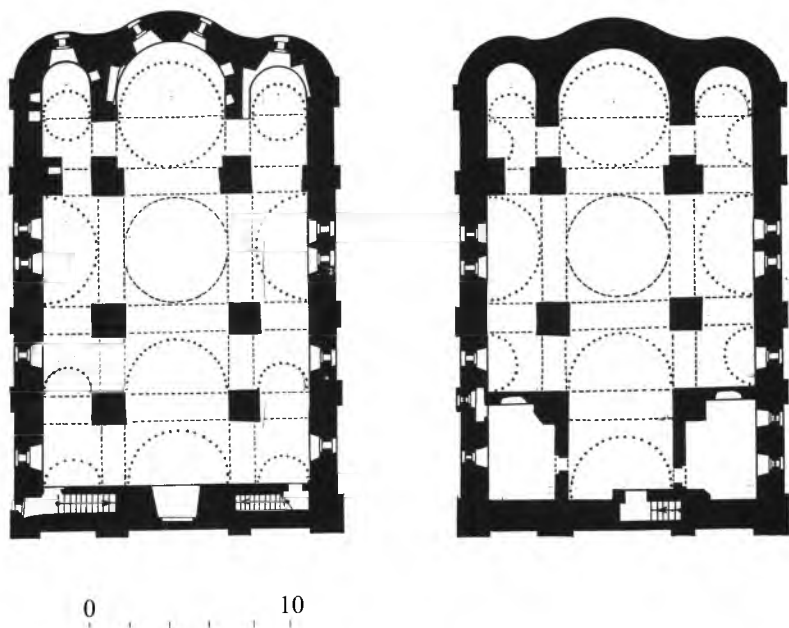

Рис. 4. Церковь Иоанна на Опоках.
План храма 1453 г. (по Т. В. Гладенко)

Итак, в сумме имеющихся данных новгородские храмы начала XII в. представляются достаточно однородной группой, единой в стилистическом и типологическом отношении. Отличительные особенности Рождественского собора Антониева монастыря не являются при этом настолько принципиальными, чтобы оторвать данный памятник от других сооружений этого времени. Это давало основание считать, что все постройки этой группы созданы одной – княжеской – артелью мастеров.

Мы полагаем, что начальный этап новгородского строительства представлял собой явление более сложное и дифференцированное, как с точки зрения организации производительных сил (артелей, строительных коллективов) и их количества, так и с точки зрения характера про-

изводственных отношений (отношений между строительными коллективами и заказчиками из разных социальных групп)⁸¹. Стоит, однако, сказать, что в настоящее время такой взгляд не получил широкого признания в научной среде. Похожая точка зрения высказывалась лишь Вал. А. Булкиным⁸².

Казалось бы, о деятельности одной строительной организации, помимо архитектурных особенностей, свидетельствуют и особенности строительной техники новгородских памятников начала XII в. Их объединяют одинаковые конструкции, характер кладки, декоративное оформление, наконец, одинаковые строительные материалы. Между тем, при более тщательном анализе, выявляются и отличительные черты отдельных построек.

По данным Г. М. Штендера, приведенными в статье 1986 г., все новгородские храмы начала XII в. имели идентичную конструкцию фундаментов. Фундаменты всех храмов этого времени выполнены из валунов на цементном растворе и представляли собой сплошную сетку лент. Глубина фундаментов около 1,2 м. В основании фундаментов были уложены деревянные лежни, скрепленные железными костылями⁸³. Фундаменты под лестничные башни представляли собой сплошные платформы⁸⁴. Такие же платформы были раскрыты в основании апсид Николо-Дворищенского собора и Рождественского собора Антониева монастыря⁸⁵.

Данные Г. М. Штендера, однако, несколько расходятся с данными других исследователей. Например, на плане раскопанной части церкви Благовещения, опубликованном М. К. Каргером, отсутствуют участки лент, соединяющие западные столбы с северной и южной стенами храма⁸⁶. Глубина фундаментов под внешними стенами храма, по данным М. К. Каргера, составляла 1,4–1,5 м.⁸⁷

Противоречат данным Г. М. Штендера и материалы, полученные в разные годы при исследовании Николо-Дворищенского собора. Так, согласно данным А. В. Арциховского, исследовавшего памятник в 1939 г., глубина фундамента центральной апсиды достигает 1,9 м. В

⁸¹ Новосёлов Н. В. От Благовещения до Благовещения... С. 17, 74–80; Новосёлов Н. В., Хрусталева Д. Г. От Благовещения к Софии или наоборот? (К проблеме начального этапа монументального строительства в Новгороде) // Новгородский исторический сборник. Вып. 13 (23). Великий Новгород, 2013. С. 20–47.

⁸² Булкин Вал. А. «Приставник над делателя церковными» и организация каменного строительства в домонгольский период // Проблемы археологии. Вып. 4. История и культура древних и средневековых обществ. Сборник научных статей, посвященных 100-летию со дня рождения М. И. Артамонова. СПб., 1998. С. 232–238.

⁸³ Штендер Г. М. Древняя строительная техника как метод изучения русского зодчества // Архитектурное наследие и реставрация. М., 1986. С. 10.

⁸⁴ Исключением является башня Николо-Дворищенского собора, построенная позднее.

⁸⁵ Булкин Вал. А. Новгородское зодчество начала XII в... С. 272, 283.

⁸⁶ Каргер М. К. Памятники древнерусского зодчества (Новые архитектурно-археологические открытия в Новгороде) // Вестник АН СССР. 1970. № 9. С. 84. Рис. 4.

⁸⁷ Он же. Отчет о раскопках в Новгороде в 1969 г. // НА ИА РАН. Р-1, № 4360. Л. 6.

нижней части фундамент сложен из валунов (высота валунной кладки 1,2 м), а в верхней части из известняка (высота кладки 0,7 м)⁸⁸. Данные А. В. Арциховского в значительной степени подтверждаются исследованиями, проводившимися в 1988 г. в интерьере храма Вал. А. Булкиным, который также отмечает известняковую кладку в верхней части фундаментной платформы под апсидами храма⁸⁹. Наконец, интересные выводы, принципиальным образом меняющие наши представления о конструкции фундаментов этого памятника, были получены в ходе исследований, проводившихся в 1996 г. Вл. В. Седовым. В процессе этих работ было установлено, что фундаменты собора были впущены в котлован, площадь которого значительно превосходила площадь постройки⁹⁰. К сожалению, результаты этих исследований не были полностью опубликованы, однако и опубликованные данные позволяют предположить, что конструкция фундаментов Никольского собора может оказаться близкой конструкции фундаментов Новгородской Софии⁹¹ или ряда южнорусских памятников, фундаменты которых также укладывались в котлован⁹². Ранее на основании отчетных материалов П. А. Раппопорта и А. А. Песковой нами высказывалось предположение, что такой же способ устройства фундаментов мог быть применен и при строительстве церкви Иоанна на Опоках⁹³.

Некоторые конструктивные отличия имеют и фундаменты Рождественского собора Антониева монастыря. Вал. А. Булкиным было установлено, что отдельные участки фундаментов в нижней части сложены насухо с заполнением пустот землей и песком⁹⁴, а фундаментная лента, соединяющая северо-западный столб (образовавшимся в результате растески западной стены первоначального объема) и западную стену храма, оказалась сложенной из обломков пережатой плинфы⁹⁵.

Кладка стеновых и сводчатых конструкций новгородских храмов начала XII в. на первый взгляд также кажется чрезвычайно близкой и относящейся к одному типу. В то же время в стеновых конструкциях Рождественского собора четко выделяется внутренняя (забутовочная) и внешняя (лицевая) часть стены. Наоборот, в Николо-Дворищенском соборе кладка внешней и внутренней части стены практически иден-

⁸⁸ *Арциховский А. В.* Раскопки восточной части Дворища в Новгороде // МАИ. М.; Л., 1949. № 11. С. 166–167.

⁸⁹ *Булкин Вал. А.* Новгородское зодчество начала XII в.... С. 271. Глубина заложения фундаментной платформы, по данным Вал. А. Булкина, 1,64 м.

⁹⁰ *Седов Вл. В.* Археологические работы у стен Николо-Дворищенского собора // Известия центра по организации археологических исследований Новгородского музея. Вып. 1. 1996. Новгород, 1997. С. 16–17.

⁹¹ *Штендер Г. М.* Древняя строительная техника... С. 10.

⁹² Успенский собор Печерского монастыря, собор Кловского монастыря, церковь Успения Пирогоща и др.

⁹³ *Новосёлов Н. В.* От Благовещения до Благовещения... С. 48–49.

⁹⁴ *Булкин Вал. А.* Новгородское зодчество начала XII в.... С. 283.

⁹⁵ *Булкин Вал. А.* Новгородское зодчество начала XII в.... С. 278.

тична⁹⁶. Сводчатые конструкции в Николо-Дворищенском и Георгиевском соборах, в том числе и полуциркульные завершения ниш, сложены практически из одной плинфы в технике кладки со скрытым рядом. Аналогичные конструкции основного объема Рождественского собора сложены в той же технике, но из плитняка или из плитняка и плинфы, при этом скрытым рядом обязательно являются ряды плит⁹⁷.

Строительные растворы первых новгородских памятников в настоящее время изучены недостаточно. Имеющиеся данные позволяют говорить о том, что по составу и по технологии приготовления растворы новгородских храмов начала XII в. близки друг другу. В то же время между растворами разных построек имеются и отличия, касающиеся, главным образом, соотношения компонентов.

В одной из публикаций, посвященных новгородским строительным растворам, Е. Ю. Медниковой было замечено, что растворы церкви Благовещения и растворы Рождественского собора отличаются от растворов Николо-Дворищенского собора и Георгиевского собора Юрьева монастыря. Соотношение частей нерастворимого остатка, образующегося при растворении анализируемого образца в соляной кислоте⁹⁸, в строительных растворах церкви Благовещения составляет пропорцию: цемянка: глиняные частицы – 0,5 : 0,5 (общий вес нерастворимого остатка приравнивается к 1). В растворах Николо-Дворищенского и Георгиевского соборов соотношение этих частей составляет 0,8 : 0,2, а в Рождественском соборе 0,6–0,7 : 0,4–0,3⁹⁹. Забегая вперед, отметим, что строительные растворы с соотношением частей нерастворимого остатка в пропорции 0,5 : 0,5 и особенно 0,6 : 0,4 (то есть близкие растворам церкви Благовещения и Рождественского собора) характерны для псковского Иоанновского собора, а также для старолadoжских памятников и новгородских храмов последней четверти XII в.¹⁰⁰ Растворы, аналогичные Николо-Дворищенскому и Георгиевскому соборам, позднее используются при строительстве церкви Иоанна на Опоках, церкви Ус-

⁹⁶ Новосёлов Н. В. От Благовещения до Благовещения... С. 62.

⁹⁷ Штендер Г. М., Ковалева В. М. Указ. соч. 56; Новосёлов Н. В. От Благовещения до Благовещения... С. 65.

⁹⁸ Описание методики см.: Медникова Е. Ю., Раппопорт П. А., Селиванова Н. Б. Древнерусские строительные растворы // СА. 1983. № 2. С. 152.

⁹⁹ Медникова Е. Ю. О строительных растворах из двух церквей Иоанна Предтечи в Новгороде и Пскове // Государственный Эрмитаж. Архитектурно-археологический семинар. Материалы заседания памяти Ю. П. Спегальского (1909–1969). 2 марта 2001 г. СПб., 2001. С. 34.

¹⁰⁰ Медникова Е. Ю. О составе древнерусских строительных растворов Смоленска и Новгорода // Проблемы изучения древнерусского зодчества (по материалам архитектурно-археологических чтений, посвященных памяти П. А. Раппопорта 15–19 января 1990 г.). СПб., 1996. С. 62–63. Табл. 2; Медникова Е. Ю., Стеценко Н. К. Изучение строительных растворов архитектурных памятников Старой Ладogi // Архитектурное наследие и реставрация. М., 1992. Вып. 5. С. 165.

пения на Торгу, церкви Бориса и Глеба в **Детинце** и, что удивительно, церкви Спаса-Нередицы¹⁰¹.

В относительно недавней работе, написанной Е. Ю. Медниковой в соавторстве с А. А. Липатовым, данные выводы были отчасти пересмотрены. Во-первых, на основании серии анализов растворов Рождественского собора Антониева монастыря исследователями был сделан вывод о том, что растворы этого храма «полностью идентичны» растворам Георгиевского собора Юрьева монастыря¹⁰². Во-вторых, полученные данные, считают авторы исследования, свидетельствуют о том, что «никаких различий в составе растворов из основного объема, нартекса и башни (Рождественского собора – *Н. Н.*) не было»¹⁰³. В то же время в таблице, которую приводят исследователи, указаны данные анализов лишь двух образцов растворов Рождественского собора: из нартекса и из отверстия для связи (из какого именно, не указано)¹⁰⁴. Данные о кладочных растворах основного объема в таблице отсутствуют. Кроме того, представляется совершенно очевидным, что для получения правдоподобной картины нескольких проб недостаточно. Необходима более значительная выборка (вероятно, несколько сотен образцов, взятых из разных частей сооружения). Справедливость такого суждения подтверждается данными о растворах псковского Иоанновского собора, опубликованных Е. Ю. Медниковой. Среди проб растворов этого памятника есть растворы, идентичные растворам Николо-Дворищенского и Георгиевского соборов, однако в общем количестве проб число таких образцов незначительно¹⁰⁵.

Ситуация, сложившаяся к настоящему времени в изучении строительных растворов, во многом близка ситуации в области изучения плитфы первых новгородских памятников. Ранее, на основании изучения экземпляров, находящихся в музейных коллекциях, нами высказывалось предположение, что плитфа этих памятников отличается по способу формовки (плитфа церкви Благовещения и Рождественского собора отличается от плитфы Николо-Дворищенского и Георгиевского соборов)¹⁰⁶. Повторный осмотр этих же экземпляров, а также изучение плитф, поступивших на хранение недавно, заставляет отказаться от данного предположения. Плитфа новгородских памятников этого времени имеет практически одинаковый размер, а технологические следы

¹⁰¹ Медникова Е. Ю. О составе древнерусских строительных растворов Смоленска и Новгорода.... С. 62–63. Табл. 2.

¹⁰² Медникова Е. Ю., Липатов А. А. Новгородские строительные растворы XII–XIII веков // Труды Государственного Эрмитажа. Вып. XXXIV. Архитектурно-археологический семинар. Изучение и реставрация памятников древнерусской архитектуры и монументального искусства. СПб., 2007. С. 42.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же. С. 40, табл.

¹⁰⁵ Медникова Е. Ю. Строительные растворы древнего Пскова // Государственный Эрмитаж. Архитектурно-археологический семинар. Материалы заседания памяти Ю. П. Спегальского (1909–1969). 2 марта 2001 г. СПб., 2001. С. 27. Табл. 1.

¹⁰⁶ См. например: Новосёлов Н. В. От Благовещения до Благовещения... С. 21–24.

на ее поверхностях свидетельствуют об идентичном способе изготовления. Как нам представляется в настоящее время, при изготовлении плинфы всех памятников этой группы использовались рамки как жесткой, так и разъемной конструкции. При этом плинфа, изготовленная в жесткой рамке, явно преобладает и составляет не менее 70% от общего количества осмотренной плинфы¹⁰⁷.

В целом же технология производства строительных материалов новгородских памятников этого времени (растворов и плинфы) изучена недостаточно. Можно говорить лишь об общей близости технологий, об общей традиции. Выводы же об индивидуальных особенностях материалов конкретных памятников на сегодняшний день представляются преждевременными. Для таких выводов нужны дополнительные исследования.

Таким образом, данные о конструкциях новгородских храмов начала XII в. позволяют говорить о некоторых отличиях технологий и конкретных строительных приемов. Весьма вероятно, что такие же отличия могут быть выявлены и при дальнейшем исследовании строительных материалов. В то же время индивидуальные особенности строительной техники конкретных памятников вряд ли можно считать значительными и принципиальными. Они существуют в рамках одной традиции и легко могут быть объяснимы разными условиями заказа, разным финансированием работ, привлечением мастеров разной квалификации или даже просто случайностью. Поэтому отличительные черты отдельных памятников новгородского круга этого времени не могут являться прямым свидетельством деятельности разных строительных коллективов.

В этой связи возникает вопрос о том, насколько близость или разница строительных технологий может свидетельствовать о деятельности одной или нескольких производственных групп. Очевидно, что если строительная техника сооружений, возведенных в один хронологический период, имеет принципиальные отличия, это будет свидетельствовать о работе разных строительных коллективов. А если этих отличий нет, или они незначительны?

В этом же контексте интересным представляется вопрос о деятельности нескольких строительных коллективов в конце XI – начале XII в. на Юге Руси. Например, свидетельствует ли о работе двух разных коллективов параллельное строительство Успенского собора Печерского монастыря и Михайловского собора в Выдубичах? Казалось бы, разный характер заказа и отличительные особенности архитектуры этих храмов говорят именно об этом. Между тем строительная техника этих построек практически идентична. Можно ли в таком случае говорить о временном разделении единой строительной организации на две производственные группы, занятыми работами на двух объектах? Такой же

¹⁰⁷ По мнению Д. Д. Ёлшина, при изготовлении плинфы этих памятников разъемная рамка не использовалась (См.: Ёлшин Д. Д. Технологические особенности новгородской плинфы домонгольского времени // Вестник СПбГУ. Сер. 2. Вып. 3. СПб., 2013. С. 94–95).

вопрос возникает при анализе строительных мероприятий Владимира Мономаха и митрополита Ефрема на рубеже XI–XII вв. (строительство соборов в Суздале и Смоленске). Следует ли считать строительные коллективы, возводившие эти сооружения, частью единой киевской строительной организации? Казалось бы, об этом со всей очевидностью говорят архитектурные формы и строительная техника суздальского собора. Но ведь Владимир Мономах в это время не был киевским князем, а Ефрем не занимал киевскую кафедру¹⁰⁸.

Сложная ситуация, с точки зрения логики производственных отношений, складывается в киевском строительном производстве и в самом начале XII в. После смерти Всеволода Ярославича (1094 г.) и до 1108 г. летописи не фиксируют ни одного случая каменного строительства в Киеве. Однако под 1108 г. летописи сообщают о завершении строительства сразу двух объектов – собора Богородицы Кловского монастыря и трапезной палаты Печерского монастыря. В этом же году закладывается Михайловский Златоверхий собор¹⁰⁹. Вероятно, одновременно со строительством этих объектов велось строительство надвратной Троицкой церкви Печерского монастыря¹¹⁰. Заказчиками этих сооружений были разные князья, не связанные друг с другом династическими отношениями. При этом очевидно, что коллективы, получавшие заказы, не находились в полном распоряжении инициаторов строительства. Сложно представить, что строительство всех этих объектов осуществляла лишь одна строительная организация, которая к тому же не была напрямую связана ни с одним из крупных княжеских домов.

Интересными с этой точки зрения представляются и памятники, созданные в конце XI – начале XII в. в Переяславле Южном. Типологические и стилистические особенности переяславской архитектуры со всей очевидностью указывают на самостоятельную архитектурную традицию (архитектурную школу)¹¹¹. В то же время по строительной технике переяславские памятники практически не отличаются от сооружений Киева¹¹².

Таким образом, несмотря на близость строительной техники южнорусских памятников, у нас есть основания предполагать, что в строительном производстве на юге Руси на рубеже XI–XII вв. было задействовано несколько строительных коллективов. Вероятно, такое же положение вещей могло иметь место и в новгородском строительстве.

¹⁰⁸ Подробнее см: *Хрусталева Д. Г.* Разыскания о Ефреме Переяславском. СПб., 2002. С. 277–293.

¹⁰⁹ ЛЛ. Сб. 283; ИЛ. Сб. 259–260.

¹¹⁰ *Килессо С. К.* Киево-Печерская лавра. М., 1975. С. 37.

¹¹¹ *Раппопорт П. А.* Зодчество Древней Руси. С. 44, 46–47.

¹¹² Там же. С. 47.

Тезис: Храмы 30–50-х годов XII в. с круглыми и восьмигранными столбами

Развитие новаций, заложенных в архитектуре Рождественского собора, мы видим в псковском соборе Иоанна Предтечи (рис. 5). Особенности этого храма неоднократно привлекали внимание исследователей, которые единодушно признавали близость архитектуры псковского собора и собора Антониева монастыря. Об этом свидетельствуют сходство общих размеров¹¹³ и пропорциональных соотношений основных элементов плановой структуры (центральный неф равен по ширине боковым в сумме со стенами и столбами), трехглавие, расположение хор. Подкупольные столбы Иоанновского собора имеют ту же форму, что и столбы собора Антониева монастыря: восточные – Т-образную, а западные – восьмигранную (правда, в отличие от собора Антониева монастыря в псковском храме западные столбы имеют восьмигранную форму лишь в нижней части, а выше приобретают квадратное сечение). Одинаковым образом решен и переход от столбов к подпружным аркам – через известняковые плиты-капители в пятах арок¹¹⁴. Объединяет эти памятники и наличие однотипных алтарных преград, высоких (высота около 5 м) и полностью отделяющих восточную часть храма от наоса¹¹⁵. Перечисленные особенности позволяли исследователям говорить о том, что собор Антониева монастыря являлся непосредственным образцом для Иоанновского собора¹¹⁶.

В то же время многие архитектурные решения, намеченные в Рождественском соборе, получают в псковском храме дальнейшей развитие. Иоанновский собор не имеет выделенного нартекса, западные столбы в нижней части имеют круглую форму, внутренние лопатки отсутствуют. Вследствие этого внутреннее пространство приобретает особую целостность и, несмотря на небольшие размеры, внутри храм выглядит просторным. С. П. Михайловым было отмечено уменьшение ширины нефов к востоку и уменьшение масс столбов с востока на за-

¹¹³ Общие размеры собора Антониева монастыря $19,2 \times 12,7$ м, Иоанновского собора $19,5 \times 12,8$ м (*Раппопорт П. А.* Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников // САИ. Вып. Е1–47. Л., 1982. С. 68, 80). Размеры Иоанновского собора, приводимые С. П. Михайловым, незначительно отличаются от данных П. А. Раппопорта: $19,5 \times 12,5$ м (*Михайлов С. П.* Исследование собора Иоанна Предтечи в Пскове // КСИА. 1982. Вып. 172. С. 75).

¹¹⁴ *Комеч А. И.* Каменная летопись Пскова XII – начала XVI века. 2-е изд. М., 2003. С. 56.

¹¹⁵ *Сарабьянов В. Д.* Новгородская алтарная преграда... С. 318–319, 322; *Чукова Т. А.* Алтарь древнерусского храма конца X – первой трети XIII в. СПб., 2004. С. 27–28, 30.

¹¹⁶ *Комеч А. И.* Каменная летопись Пскова... С. 56.

пад, что зрительно расширяло внутреннее пространство¹¹⁷. Все это говорит о стремление к единству интерьера, который приобретает в Иоанновском храме ярко выраженный зальный характер.

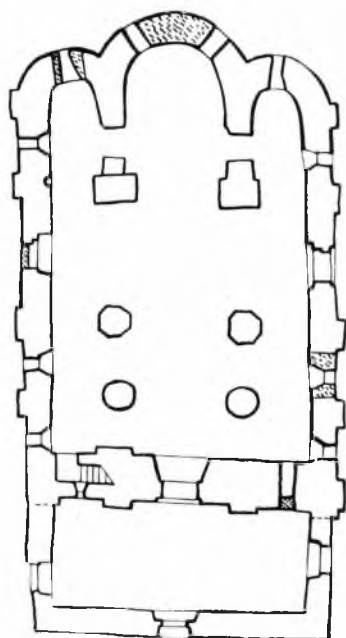

Рис. 5. Иоанновский собор во Пскове.
План (по С. П. Михайлову)

В Иоанновском соборе отсутствует стремление к вертикализму, характерное для первых новгородских храмов. При близости схем плана собора Антониева монастыря и Иоанновского собора последний имеет гораздо меньшую высоту.

Есть и иные отличия между Иоанновским собором и новгородскими храмами предшествующей эпохи. В новгородских памятниках малые закомары поднимаются почти так же высоко, как центральные, а в Иоанновском соборе центральные закомары расположены гораздо выше боковых¹¹⁸. В отличие от новгородских построек, в центральных пряслах северного и южного фасадов Иоанновского храма размещено

¹¹⁷ Михайлов С. П. Первоначальное убранство интерьера собора Иоанновского монастыря во Пскове // ДРИ. Художественная культура X – первой половины XIII в. М., 1988. С. 95.

¹¹⁸ Комеч А. И. Каменная летопись Пскова... С. 62.

лишь по одному окну, которые вместе с нижними окнами боковых прясел образуют пирамидальную композицию¹¹⁹. Окна верхнего яруса малых прясел и апсид имеют круглую форму. Ранее круглые окна – люкарны – в новгородском зодчестве были использованы лишь однажды – в башне Георгиевского собора Юрьева монастыря¹²⁰. Барабаны Иоанновского храма завершаются не рядом кокошников, венчающих купол, а карнизом с аркатурным поясом. Наконец, принципиальным конструктивным новшеством является появление в Иоанновском соборе внутренней лестницы для подъема на хоры.

Таким образом, несмотря на очевидное родство архитектуры Иоанновского собора и собора Антониева монастыря, напрямую связать эти памятники невозможно. Появление перечисленных особенностей в Иоанновском храме не могло носить внезапный эвристический характер: этому противоречит вся логика развития древнерусского зодчества. Развитие русской средневековой архитектуры, появление новых форм и конструкций осуществлялось, как правило, через непосредственное, личное знакомство заказчиков и строителей с новыми образцами. Иными словами, чтобы объяснить происхождение архитектурных новшеств Иоанновского собора в эволюционной цепи, между собором Антониева монастыря и Иоанновским собором мы должны поставить еще один или даже несколько памятников. В силу этого ранняя дата основания Иоанновского собора (20-е – начало 30-х гг. XII в.¹²¹) представляется невозможной.

По мнению А. И. Комеча, многие из перечисленных особенностей Иоанновского собора (приземистые пропорции, композиция фасадов, отсутствие лопаток в интерьере, карнизы барабанов) связаны с влиянием на его архитектуру еще одного псковского памятника – Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря, который, как полагал исследователь, был построен несколько раньше¹²². Это мнение, однако, не бесспорно. Объяснить появление ряда архитектурных решений в Иоанновском соборе исключительно лишь влиянием Мирожского храма невозможно.

Логично предположить, что новые стилистические и типологические черты, зародившиеся в архитектуре собора Антониева монастыря и получившие дальнейшее развитие в Иоанновском соборе, должны были найти отражение и в других постройках. «Можно было бы ожидать, – писал А. И. Комеч, – что собор займет важное, существенное место в

¹¹⁹ Комеч А. И. Каменная летопись Пскова... С. 62.

¹²⁰ Иоаннисян О. М. Собор Иоанна Предтечи в Пскове... С. 13.

¹²¹ Михайлов С. П. Исследование собора Иоанна Предтечи в Пскове. С. 79; Он же. Первоначальное убранство интерьера... С. 95; Михайлов С. П., Станюкович А. К. Голосник из собора Ивановского монастыря в Пскове (к вопросу о дате собора) // СА. 1983. № 3. С. 151; Белецкий С. В. К вопросу о датировке домонгольских храмов Пскова // Проблемы изучения древнерусского зодчества (по материалам архитектурно-археологических чтений, посвященных памяти П. А. Раппопорта, 15–19 января 1990 г.). СПб., 1996. С. 107.

¹²² Комеч А. И. Каменная летопись Пскова... С. 59, 62–65.

эволюции новгородской архитектуры. Однако этого не случилось, во всяком случае в типологическом отношении»¹²³. Вывод А. И. Комеча, на наш взгляд, не совсем верный. Как представляется автору настоящей работы, архитектурное направление, проявившееся в особенностях Иоанновского собора, не оказалось тупиковой ветвью развития, а нашло отражение и в других постройках, как в Новгородской земле, так и за ее пределами.

Наиболее близким в типологическом отношении к Иоанновскому собору, на наш взгляд, оказывается храм, раскопанный в 1953 г. М. К. Каргером на территории окольного города древнего Переяславля (современного Переяслава-Хмельницкого) и известный в литературе как церковь Воскресения¹²⁴. По своей архитектуре этот храм сильно отличается от южнорусских памятников XII в (рис. 6). Лопатки на фасадах не имеют полуколонн, причем крайние западные лопатки не сходятся на углах, а образуют закрестия. Интерьерные лопатки в храме отсутствуют, а западные подкупольные столбы имеют восьмигранную форму. Отмеченные черты, отличающие церковь Воскресения от южнорусских памятников, удивительным образом роднят ее с собором Антониева монастыря и особенно с псковским Иоанновским собором¹²⁵.

Есть и иные особенности, сближающие псковский и переяславский храмы. Оба храма имеют одинаково расположенные внутрстенные лестницы для подъема на хоры. В обоих случаях лестницы размещены в толще западной стены, причем подъем начинается в северной части стены, в направлении с севера на юг.

Ширина обращенных к востоку и к западу граней восьмигранных столбов церкви Воскресения меньше ширины отвечающих им лопаток соседних крестообразных столбов. Следовательно, переход от восьмигранных столбов к аркам должен был иметь такое же решение, как в соборе Антониева монастыря или в Иоанновском соборе: через плиты в основании арок или через квадратную форму верхней части столбов.

И церковь Воскресения, и Иоанновский собор имели аркасолии, что, вероятно, указывает на княжеский заказ. В церкви Воскресения по два аркасолия расположено в западных частях северной и южной стен и еще один – в южной части западной стены. В Иоанновском соборе два аркасолия расположены в западной части северной стены и один в южной стене.

¹²³ Комеч А. И. Каменная летопись Пскова... С. 64.

¹²⁴ Каргер М. К. Раскопки в Переяславе-Хмельницком в 1952–1953 гг. // СА. 1954. Т. XX. С. 22–30.

¹²⁵ Иоаннисян О. М. Об отражении традиции новгородско-псковского зодчества в архитектуре Киева и Переяславля... С. 45; Он же. Собор Иоанна Предтечи в Пскове... С. 14; Новосёлов Н. В. Церковь Воскресения в Переяславле и новгородская архитектура 30–40-х годов XII в. // Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в первом тысячелетии христианской эры. Пятое чтения памяти Анны Мачинской. Материалы к чтениям. СПб., 2001. С. 127–128.

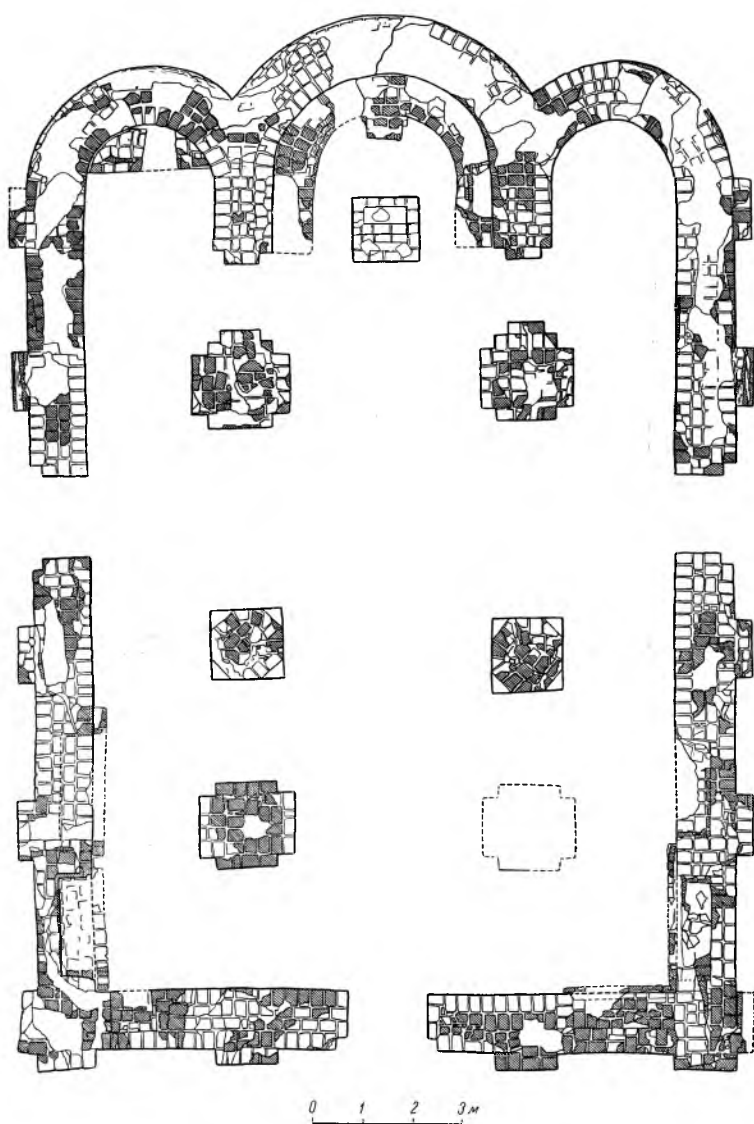

Рис. 6. Церковь Воскресения в Переяславле (по М. К. Каргеру)

И церковь Воскресения, и Иоанновский собор имели аркасолии, что, вероятно, указывает на княжеский заказ. В церкви Воскресения по два аркасолия расположено в западных частях северной и южной стен и еще один – в южной части западной стены. В Иоанновском соборе два аркасолия расположены в западной части северной стены и один в южной стене.

По своей плановой структуре церковь Воскресения близка Иоанновскому собору и собору Антониева монастыря. Размеры подкупольных квадратов у этих построек практически идентичны: у собора Антониева монастыря размер подкупольного квадрата 4×4 м, у Иоанновского собора – $4,2 \times 3,9$ м, у церкви Воскресения $4,1 \times 4,5$ м¹²⁶. В то же время церковь Воскресения несколько больше Рождественского и Иоанновского соборов¹²⁷. По сравнению с ними ее общие размеры увеличены на 1,3–1,4 м. Отличается церковь Воскресения и своей пропорциональной схемой: если в Рождественском и Иоанновском соборах ширина центрально нефа равна ширине боковых в сумме со стенами и столбами, то в церкви Воскресения ширина стен вынесена из этой зоны. Позднее такое же соотношение центрального и боковых нефов становится характерным для многих новгородских храмов, датированных временем после 1130-х гг. Первой, точно датированной постройкой в пределах Новгородской земли, где была применена такая же пропорциональная схема, является церковь Успения на Торгу в Новгороде¹²⁸.

Сходство архитектурных особенностей церкви Воскресения и памятников новгородского круга, казалось бы, должно предполагать и близость строительной техники. Это, однако, не так. Стены переяславского храма возведены в равнослойной технике кладки. Этот тип кладки впервые появляется в памятниках черниговского зодчества¹²⁹, а с конца 20-х гг. XII в. получает распространение в Киеве¹³⁰. Плинфа Воскресенской церкви также типична для южнорусских памятников. Характерной особенностью плинфы является наличие на одной из постелей продольных и волнистых линий, так называемых расчесов¹³¹. Плинфа подобного типа появляется в южнорусских памятниках (по-

¹²⁶ Раппопорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв. С. 37, 68, 80.

¹²⁷ В публикациях приводятся несколько различные данные о размерах церкви Воскресения. По данным М. К. Каргера, длина храма по центральному нефу 24,2 м, а ширина 14,3 м (Каргер М. К. Раскопки в Переяславе-Хмельницком... С. 22). По данным П. А. Раппопорта, длина церкви Воскресения составляла 20,6 м, а ширина 14,2 м (Раппопорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв. С. 37). Судя по планам церкви Воскресения, опубликованным М. К. Каргером, длина храма без учета выноса лопаток составляла 20,9 м, а ширина 14,1 м; вынос лопаток равен 0,35 м (Каргер М. К. Раскопки в Переяславе-Хмельницком... С. 23. Рис. 11; С. 27. Рис. 14).

¹²⁸ Комеч А. И. Каменная летопись Пскова... С. 40.

¹²⁹ Раппопорт П. А. Строительное производство Древней Руси X–XIII вв. СПб., 1994. С. 76.

¹³⁰ Ивакин Г. Ю. О церкви Успения Богородицы Пирогощей // Древние славяне и Киевская Русь. Киев. 1989. С. 174–176.

¹³¹ Каргер М. К. Раскопки в Переяславе-Хмельницком... С. 22.

стройки Киева, Переяславля, Владимира Волынского) с конца 20-х гг. XII в.¹³². В то же время по формату плинфа церкви Воскресения отличается от плинфы южнорусских сооружений и близка плинфе построек новгородского круга 30–40-х гг. XII в. (церкви Успения на Торгу в Новгороде и церкви Дмитрия Солунского в Пскове)¹³³.

Конструкция фундаментов церкви Воскресения обнаруживает некоторое сходство с конструкцией фундаментов собора Антониева монастыря. Фундаменты переяславского храма образуют сплошную сетку лент и выполнены из камней на цемяночном растворе. Глубина фундаментов 1,12–1,17 м. Участки лент, соединяющих западные столбы между собой и с западной стеной, имеют несколько усложненную конструкцию. Кладка из камней заполняет фундаментный ров лишь на половину глубины, а выше нее идет засыпка из строительного щебня, происходящего из более древней постройки¹³⁴. Данная особенность напоминает конструкцию фундаментной ленты между северо-западным столбом и западной стеной в соборе Антониева монастыря, которая была выполнена из обломков пережатой плинфы¹³⁵.

Таким образом, церковь Воскресения в Переяславле представляется памятником, сочетающим архитектурные особенности новгородских храмов и южнорусскую строительную технику. В этом отношении церковь Воскресения напоминает первые киевские храмы, возведенные в равнослойной технике кладки, – собор Феодоровского Вочча монастыря и церковь Успения Пирогощи – памятники, в которых присутствуют черты как киевской, так и черниговской строительной архитектурных традиций. Можно предположить, что строительством Воскресенского храма руководил новгородский зодчий, который пользовался услугами южнорусского коллектива мастеров¹³⁶. Очень вероятно, что влияние киево-черниговского зодчества в церкви Воскресения не ограничивалось лишь особенностями строительной техники, а нашло отражение также в архитектуре храма, в его конструктивных, композиционных и художественных особенностях. В таком случае церковь Воскресения можно рассматривать как связующее звено между собором Антониева монастыря и новгородскими храмами позднейшего времени,

¹³² Ёлшин Д. Д. Традиция «расчесов» в производстве плинфы южнорусских земель XII века // Государственный Эрмитаж. Архитектурно-археологический семинар. Из истории строительной керамики средневековой Восточной Европы. Материалы научного заседания 14–15 мая 2002 г. СПб., 2003. С. 95–96; Торшин Е. Н. Плинфа архитектурных памятников Киева середины – второй половины XII века // Там же. С. 109.

¹³³ По данным М. К. Каргера, плинфа церкви Воскресения имеет формат 31–32 × 21–23 × 5–6 см (Каргер М. К. Раскопки в Переяславе–Хмельницком... С. 22). Д. Д. Ёлшин указывает несколько форматов плинфы этого храма: 30–35 × 22–24 × 5–6 см, 30–32 × 21–22 × 4–4,5 см, 31–32 × 21–23 × 5–6 см (Ёлшин Д. Д. Плинфа Переяславля Русского // Наукові записки з української історії. Збірник наукових статей. Випуск 20. Переяслав-Хмельницький. 2008. С. 221, табл.).

¹³⁴ Каргер М. К. Раскопки в Переяславе–Хмельницком... С. 24.

¹³⁵ Булкин Вал. А. Новгородское зодчество начала XII в. ... С. 278.

¹³⁶ Новосёлов Н. В. Церковь Воскресения в Переяславле... С. 128.

при этом церковь Воскресения может оказаться проводником неизвестных ранее в новгородском зодчестве архитектурных решений.

Одним из подобных новшеств можно, вероятно, считать появление в новгородских памятниках внутристенных лестниц, расположенных в толще западных стен. В новгородской архитектуре первой четверти XII в. внутристенные лестницы неизвестны. Подъем на хоры осуществлялся по винтовой лестнице, расположенной в лестничной башне (церковь Благовещения на Городище, соборы Антониева и Юрьева монастырей) или через переход из соседней постройки (Николо-Дворищенский собор). Внутристенная лестница отсутствовала и в церкви Иоанна на Опоках, построенной в 1127–1130 гг.¹³⁷ Вероятно, внутристенных лестниц не было и в киевских постройках, возведенных ранее 30-х гг. XII в.¹³⁸

В Новгороде первым датированным храмом, имевшим лестницу в толще западной стены, является, вероятно, церковь Успения на Торгу (1135–1144 гг.), а в Киеве – церковь Успения Пирогоща (1131–1135 гг.). Общий характер развития древнерусского зодчества, на наш взгляд, не позволяет допустить внезапного появления подобных конструктивных элементов внутри автономно развивающейся архитектурной школы. Традиция устройства внутристенных лестниц не могла возникнуть путем постепенных эволюционных изменений; здесь необходим внешний толчок, образец для подражания. С другой стороны, появление внутристенных лестниц в постройках Киева и Новгорода вряд ли было возможно без личного участия киевских и новгородских мастеров в возведении подобных конструкций, то есть без приобретения ими необходимого личного опыта.

На рубеже XI–XII вв. самостоятельная архитектурная школа появляется в Чернигове. Одной из отличительных особенностей черниговских храмов этого периода является наличие внутристенных лестниц. В это время в Киеве и в Новгороде подъем на хоры продолжают организовывать по лестнице, расположенной в лестничной башне¹³⁹. Логично предположить, что традиция устройства лестниц в толще стен была принесена в Киев из Чернигова вместе с техникой равнослойной кладки, полуколоннами на фасадах и другими конструктивными и художественными особенностями. Проводниками этой традиции в Киеве оказываются постройки, сочетающие элементы киевской и черниговской архитектуры: собор Феодоровского Вотча монастыря и церковь Успения Пирогоща. Появление внутристенных лестниц в Новгороде также можно объяснить опосредованным влиянием черниговской архитектуры, принесенным через переяславскую Воскресенскую церковь.

¹³⁷ Пескова А. А., Раннопорт П. А., Штендер Г. М. Указ. соч. С. 39.

¹³⁸ Новосёлов Н. В. Первые попытки разработки нового типа здания: к проблеме появления храмов с башнеобразной композицией // Изучение и реставрация памятников древнерусской архитектуры и монументального искусства. Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXXIV. СПб., 2007. С. 34.

¹³⁹ Раннопорт П. А. Строительное производство Древней Руси... С. 87.

В большинстве древнерусских памятников стена, в которой располагалась лестница, делалась тоще остальных стен. Западная стена церкви Воскресения, в которой расположена лестница, не имеет утолщения, что может свидетельствовать о несовершенстве конструкции. Кроме того, это ограничивало возможную ширину лестницы (ширина лестницы в церкви Воскресения всего около 0,5 м). В соборе Иоанна Предтечи этот недочет устранен: толщина западной стены увеличена, а конструкции стены усилена дополнительной внутренней лопаткой – единственной в интерьере храма. Данное обстоятельство позволяет рассматривать церковь Воскресения как первый пример освоения новгородскими и киевскими мастерами конструктивных приемов черниговских строителей.

В Иоанновском соборе и в более поздних старолadoжских храмах (церковь Успения и церковь Георгия) перекрытие лестниц выполнено из ступенчато расположенных известняковых плит. Данная особенность позволяет сблизить эти храмы с постройками черниговской архитектуры, где лестницы перекрывались каменными плитами, расположенными под наклоном¹⁴⁰. В новгородских храмах последней четверти XII в. лестницы перекрываются ступенчато расположенными сводами.

Еще одним нововведением, появившимся в новгородском зодчестве под влиянием переяславской церкви Воскресения, может быть новый тип завершения барабана (карниз с аркатурным поясом). Барабаны новгородских храмов первой четверти XII в. завершались рядом кокошников, венчающих купол. Такое же завершение имели барабаны киевских памятников XI – начала XII в. Барабаны черниговских храмов имели принципиально другое завершение: они оканчивались карнизом с аркатурным поясом, сочетающимся в ряде случаев с дополнительными декоративными элементами (рядом ниш и поребриком). Тулово барабанов членилось вертикальными тягами (плоскими лопатками или полуколоннами). Вероятно, начиная с 30-х гг. XII в. такую же систему декорации получают барабаны киевских памятников (наиболее ранняя из сохранившихся построек – Кирилловская церковь, датированная 40-ми гг. XII в.).

Примерно в это же время новый тип завершения барабанов появляется и в новгородской архитектуре (наиболее ранние из сохранившихся памятников – Иоанновский собор и собор Мирожского монастыря в Пскове). Связать его появление с влиянием Мирожского собора, по нашему мнению, невозможно. Архитектура Мирожского храма носит ярко выраженный византийский характер, а аркатурный пояс воспринимается, скорее, как элемент романского зодчества. В Мирожском соборе он, вероятно, является заимствованным элементом. Логичнее предположить, что появление карнизов с аркатурным поясом в завершении барабанов в памятниках новгородского зодчества так же связано с влиянием черниговской архитектуры, принесенным через церковь Воскресения. Конечно, декоративное оформление барабанов новгород-

¹⁴⁰ *Раннопорт П. А.* Строительное производство Древней Руси... С. 88.

ских храмов не является калькой с черниговских памятников (подобно постройкам Киева, Владимира Волынского или Смоленска). В новгородской архитектуре эти элементы получают совершенно иную интерпретацию, что свидетельствует о переработке и переосмыслении новгородскими мастерами элементов черниговской архитектурной пластики.

В силу высказанных соображений мы склонны считать, что церковь Воскресения занимает место между собором Антониева монастыря и позднейшими новгородскими храмами.

Еще одной постройкой, относящейся к тому же архитектурному направлению, что и церковь Воскресения и Иоанновский собор, может быть церковь Успения на Торгу в Новгороде (1135–1144 гг.). Храм имеет сложную строительную историю. В 1458 г. домонгольская постройка была разобрана, а на ее месте построена новая церковь: «поставиша церковь камену святую Богородицу в Торгу на старой основе, а старую церковь каменну же порушив»¹⁴¹. В XVI и XVII вв. эта церковь также неоднократно ремонтировалась и перестраивалась. К сожалению, памятник еще недостаточно изучен. Археологические исследования удалось провести лишь снаружи храма, в интерьере раскопки не проводились¹⁴².

Исследования показали, что план церкви 1458 г. в целом совпадает с планом храма XII в. Стены домонгольского здания сохранились на высоту от 0,2 до 1,2 м, а местами, в толще поздней кладки, значительно выше¹⁴³.

Храм не имел лестничной башни, примыкавшей к храму снаружи¹⁴⁴. Очевидно, что лестничной башни не было и внутри храма: небольшие размеры церкви не позволяли разместить лестничную башню в одном из угловых западных компартиментов¹⁴⁵. Подъем на хоры, вероятно, был организован по внутristенной лестнице. Об этом косвенным образом может свидетельствовать особенности конструкции северного портала, выявленные в ходе исследований¹⁴⁶. Боковые грани проема начинались непосредственно от кладки фундамента, в то время как в новгородских храмах XII в. порталы имели пороги высотой 0,4–0,9 м¹⁴⁷. Отсутствие порога, таким образом, позволяет предположить пониженный уровень пола в храме. Такое решение можно объяснить необходимостью понизить перемычки проемов, не уменьшая при этом их габаритов. Понижение перемычек проемов (или одного проема) могло быть связано с расположением трассы внутristенной лестницы, которая должна была проходить над проемом. Если это так, то церковь Успения

¹⁴¹ Н4Л. С. 127.

¹⁴² Пескова А. А. Архитектурные раскопки в Новгороде // АО 1980 г., М., 1981. С. 23; Пескова А. А., Раппопорт П. А., Штендер Г. М. Указ. соч. С. 42.

¹⁴³ Пескова А. А., Раппопорт П. А., Штендер Г. М. Указ. соч. С. 42.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Штендер Г. М. Зодчество Великого Новгорода... С. 579, 584. Прим. 17.

¹⁴⁶ Там же. С. 579.

¹⁴⁷ Пескова А. А., Раппопорт П. А., Штендер Г. М. Указ. соч. С. 42.

можно, вероятно, рассматривать как один из первых храмов в новгородской архитектуре, имевших внутрискладовую лестницу.

Общие размеры храма невелики: длина – 20,3 м, ширина – 13,5 м¹⁴⁸. По своему пропорциональному строю церковь Успения близка Воскресенскому храму в Переяславле: ширина центрального нефа равна ширине боковых нефов в сумме со столбами, а ширина стен вынесена из этой зоны¹⁴⁹. Сближает эти постройки и практически одинаковая по своему плану кривая апсид, что может указывать на идентичный способ разметки плана. В то же время церковь Успения на Торгу меньше переяславского храма. В сравнении с церковью Воскресения ее длина и ширина уменьшены примерно на толщину стены. Вероятно, храм был гораздо ниже новгородских соборов первой четверти XII в. Небольшая ширина храма делала невозможным устройство высокой лестницы в толще западной стены. Следствием этого должно было стать более низкое расположение хор и пониженный объем всей постройки.

Существующая Успенская церковь имеет круглые столбы¹⁵⁰. Как известно, многие из древнерусских храмов, построенные в XIV–XVI вв. «на старой основе», повторяют план предшествующего здания, а зачастую воспроизводят в основных чертах его объемную композицию и отдельные архитектурные особенности. Это явление, в целом, характерно для всего русского зодчества и объясняется ориентацией мастеров на древние образцы. Однако наиболее широкое распространение это явление получает в Новгороде в 30–60-е гг. XV в. (главным образом, в период святительства архиепископа Евфимия II), где представлено серией так называемых «архитектурных реставраций»¹⁵¹. В новгородских храмах, созданных в этот период «на старой основе», стремление к повторению форм предшествующей постройки прослеживается предельно отчетливо. Это давало основание усматривать в «архитектурных реставрациях» середины XV в. идеологическую подоплеку (противопос-

¹⁴⁸ В публикациях обычно приводятся размеры церкви Успения без учета ширины нартекса: 17,5 × 13,5 м (см.: *Пескова А. А., Раппопорт П. А., Штендер Г. М.* Указ. соч. С. 42; *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X–XIII вв. С. 70; *Кузьмина Н. Н., Филиппова Л. А.* Церковь Успения Богородицы на Торгу // *Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области. Каталог.* СПб., 2008. С. 202). Общие размеры существующего храма (с учетом ширины нартекса) 20,3 × 13,5 м. В эти размеры, вероятно, включен вынос лопаток домонгольского здания.

¹⁴⁹ *Комеч А. И.* Каменная летопись Пскова... С. 40.

¹⁵⁰ По предположению Д. А. Петрова, столбы церкви Успения были перестроены в 1542–1545 гг. (*Петров Д. А.* К вопросу о сооружении некоторых частей церквей Успения на Торгу и Якова на Яковлевой улице // *Новгородские древности. Вып. IV.* М., 1993. С. 132).

¹⁵¹ *Дмитриев Ю. Н.* К истории новгородской архитектуры // *НИС. Вып. 2.* Л., 1937. С. 120–123; *Шуляк Л. М.* Архитектура конца XIII – XV в. // *Гладенко Т. В., Красноречев Л. Е., Штендер Г. М., Шуляк Л. М.* Архитектура Новгорода в свете последних исследований // *Новгород: к 1100-летию города. Сб. статей.* М., 1964. С. 241–242; *Антипов И. В.* Новгородская архитектура времени архиепископов Евфимия II и Ионы Отенского. М., 2009. С. 75–96.

тавление Новгорода Москве или латинскому Западу) и говорить об уникальности этого явления не только для архитектуры Новгорода, но и для русской архитектуры в целом¹⁵². Данное обстоятельство позволяло многим исследователям предполагать, что при перестройке церкви Успения на Торгу в XV в. была воссоздана форма столбов храма домонгольского времени¹⁵³. Такое же мнение высказывалось и автором настоящей работы¹⁵⁴.

Если это предположение верно, и при перестройке церкви Успения в 1458 г. были повторены архитектурные особенности храма домонгольского времени, то церковь Успения 1135–1144 гг. с уверенностью можно отнести к тому же архитектурному направлению, к которому относятся Иоанновский собор в Пскове и церковь Воскресения в Переяславле.

Гипотетически к этому же архитектурному направлению может быть отнесена еще одна постройка – церковь Жен Миронисиц на Ярославовом дворище в Новгороде.

Сохранившаяся до настоящих дней церковь была создана в 1510 г. Согласно данным письменных источников, этому храму предшествовала церковь, построенная в 1445 г.¹⁵⁵, упомянутая позднее в 1477 г.¹⁵⁶ и в «Семисоборной росписи» 1463–1508 гг.¹⁵⁷ Однако и она, по-видимому, не была первым каменным храмом на этом месте. Сообщая о постройке этого храма, летописи указывают, что он был создан «на старой основе»¹⁵⁸. Данное обстоятельство однозначно указывает на то, что до строительства 1445 г. на этом месте существовал каменный храм. Однако о предшественнике постройки 1445 г. источники умалчивают.

В 1956–1963 гг. в церкви проводились исследовательские и реставрационные работы (автор работ Т. В. Гладенко). Для изучения нижних частей сооружения было выполнено восемь шурфов, три из которых были заложены у стен основного объема храма (к сожалению, ни один из них не был доведен до подошвы фундамента). По мнению исследовательницы, каких-либо конструкций, соотносимых с храмом

¹⁵² Дмириев Ю. Н. Указ. соч. С. 120–123; Строков А., Богусевич В. Новгород Великий. Л., 1939. С. 126; Каргер М. К. Новгородское зодчество // История русского искусства. Т. 2. М., 1954. С. 63–70; Шуляк Л. М. Указ. соч. С. 240.

¹⁵³ Штендер Г. М. Архитектура Новгородской земли XI–XIII вв. Автореф. дис. ... канд. архитектуры. Л., 1984. С. 10, прим. 2; Петров Д. А. Указ. соч. С. 131; Иоаннисян О. М. Об отражении традиции новгородско-псковского зодчества в архитектуре Киева и Переяславля... С. 43.

¹⁵⁴ Новосёлов Н. В. Архитектурные особенности ладожских храмов XII в. и постройка новгородско-псковского зодчества на «старой основе» // Ладога – первая столица Руси: 1250 лет непрерывной жизни. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. 21–23 декабря 2002 г. Сб. статей. СПб., 2003. С. 101–102.

¹⁵⁵ НПЛ. С. 425.

¹⁵⁶ Н4Л. С. 609.

¹⁵⁷ Янин В. Л. «Семисоборная роспись» Новгорода // Средневековая Русь. М., 1976. С. 114.

¹⁵⁸ НПЛ. С. 425; Н4Л. С. 441; ЛА. С. 187.

1445 г. или с более ранней постройкой, в ходе этих работ выявлено не было¹⁵⁹.

Между тем многие историки архитектуры отмечали, что по ряду формальных признаков существующая церковь близка храмам первой половины XII в. Наличие на этом месте домонгольского храма, на основании которого было возведено существующее здание, допускали А. А. Строков и В. А. Богусевич¹⁶⁰. О храме-предшественнике церкви 1445 г. упоминал М. К. Каргер¹⁶¹. Т. В. Гладенко в «Пояснительной записке к эскизному проекту восстановления и частичной реставрации церкви Жен Мироносиц» замечала, что «по своим внешним формам и массам она напоминает княжеское сооружение XII в.»¹⁶². Однако, поскольку в ходе работ в 1956–1963 гг. никаких следов постройки домонгольского времени обнаружено не было, в науке утвердилось мнение, что храма XII в. на этом месте не существовало. Архаические черты дошедшей до нас постройки обычно объяснялись ориентацией строителей как на домонгольские памятники новгородского зодчества, так и на «архитектурные реставрации» середины XV в.¹⁶³

Лишь относительно недавно И. В. Антиповым было высказано предположение, что нижние ряды кладки фундамента, выявленные в шурфах Т. В. Гладенко (шурфы № 4 и № 7, рис. 7–8), могут относиться к храму 1445 г.¹⁶⁴ Данные участки кладки были выполнены из известняковых плит¹⁶⁵. Информация о наличии скрепляющего плиты раствора в отчетных материалах отсутствуют. В стенках шурфов верху этой кладки соответствует слой строительного мусора, характеристика которого дается в подписях к чертежам: «...слой строит. мусора, состоящий из серой и красной плиты и изв. раствора кремового цвета, содержащего речной песок (обрушение церкви, сооруж. в 1455 г.)»¹⁶⁶. В шурфе № 4 вплотную к известняковой кладке была выявлена горизонтально расположенная доска, а в шурфе № 7 – так же вплотную к кладке – брус прямоугольного сечения¹⁶⁷. По предположению И. В. Антипова, участки известняковой кладки могли относиться к стеновой кладке храма

¹⁵⁹ Гладенко Т. В., Красноречьев Л. Е. Архитектура XVI в. // Гладенко Т. В., Красноречьев Л. Е., Штендер Г. М., Шуляк Л. М. Архитектура Новгорода в свете последних исследований... С. 254.

¹⁶⁰ Строков А. А., Богусевич В. А. Указ. соч. С. 185–187.

¹⁶¹ Каргер М. К. Новгород Великий. Л.; М., 1961. С. 177.

¹⁶² Гладенко Т. В. Пояснительная записка к эскизному проекту восстановления с частичной реставрацией церкви Жен Мироносиц на Ярославовом Дворике в г. Новгороде // Церковь Жен Мироносиц в Новгороде. Материалы исследований. Архив архитектуры. Вып. VII. М., 1995. С. 10.

¹⁶³ Петров Д. А. Место и значение церкви Жен Мироносиц в новгородской архитектуре конца XV – начала XVI в. // Там же. С. 30–36.

¹⁶⁴ Антипов И. В. Указ. соч. С. 230.

¹⁶⁵ Церковь Жен Мироносиц в Новгороде. Материалы исследований. Архив архитектуры. Вып. VII. М., 1995. Илл. 31, 36.

¹⁶⁶ Там же. Илл. 30, 31.

¹⁶⁷ Там же. Илл. 31, 36.

даментных конструкциях новгородских построек XII в. Мы уже упоминали о том, что из известняка были выполнены верхние части фундамента Николо-Дворищенского собора, расположенного в непосредственной близости от церкви Жен Мироносиц. При перестройке церкви Иоанна на Опоках в 1184 г. из известняковых плит был выполнен фундамент западной стены храма¹⁷¹. Из такого же материала сложены значительные участки фундаментов церкви Спаса в Старой Руссе, построенной в 1198 г.¹⁷² Высказанные соображения позволяют с большим основанием датировать известняковые кладки церкви Жен Мироносиц, раскрытые в шурфах Т. В. Гладенко, не XV в., а домонгольским временем. Проверить это предположение без проведения дополнительных археологических исследований, однако, невозможно.

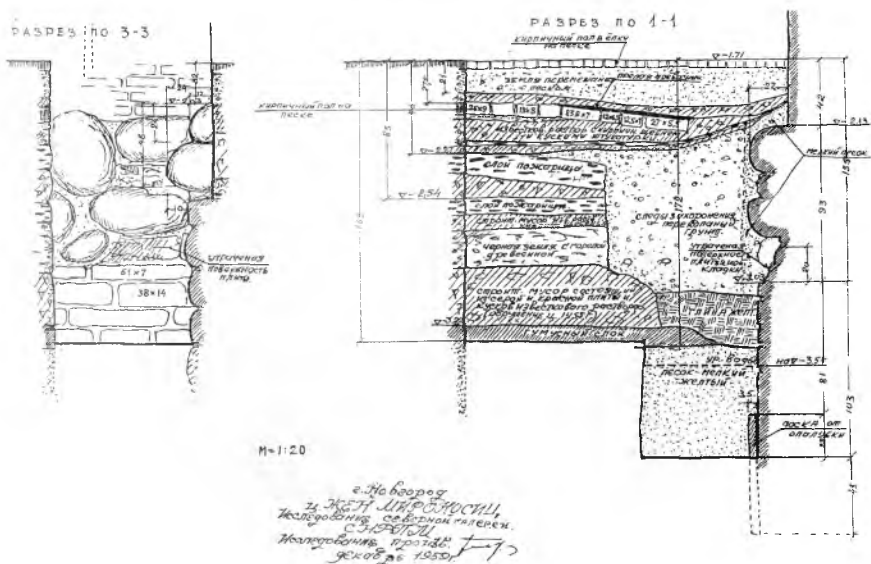

Рис. 8. Церковь Жен Мироносиц.
Шурф № 4 (по материалам Т. В. Гладенко, 1959 г.). Разрезы
(Церковь Жен Мироносиц в Новгороде. Материалы исследований. Архив архитектуры. Вып. VII. М. 1995. Илл. 31)

¹⁷¹ Пескова А. А., Раппопорт П. А., Штендер Г. М. Указ. соч. С. 39.

¹⁷² Ядрышников В. А. Церковь Спаса в Старой Руссе – современница Нередицкого храма // ИИС. СПб., 2000. Вып. 8 (18). С. 163–164; Попов В. А. Архитектурно-археологические исследования Спасо-Преображенского собора в Старой Руссе // Там же. С. 182, 184.

Если храмы 1445 и 1510 гг. действительно были созданы «на старой основе», то этой «основой» для них могли быть лишь остатки храма первой половины XII в. На это со всей очевидностью указывают планировка и общая композиция существующего здания. Появление постройки с таким композиционным решением в конце XII – первой половине XV в. представляется маловероятным.

По своим основным размерам и пропорциональному строю церковь Жен Мироносиц близка церкви Успения на Торгу. Существующая церковь имеет круглые западные подкупольные столбы. Если допустить, что в перестройках XV и XVI вв. была повторена форма столбов предшествующего здания, то в таком случае церковь Жен Мироносиц органично входит в тот же круг построек, к которому однозначно принадлежат церковь Воскресения в Переяславле и Иоанновский собор в Пскове и – предположительно – церковь Успения на Торгу в Новгороде. Пытаясь уточнить время возведения домонгольского храма Жен Мироносиц, автор настоящей работы и Д. Г. Хрусталеv, исходя из косвенных данных, отнесли его строительство ко времени княжения Ярослава Изяславича (к 40-м – началу 50-х гг. XII в.)¹⁷³.

Единственным принципиальным композиционным элементом, отличающим церковь Жен Мироносиц от других построек этой группы, является наличие в храме XVI в. сплошной стены между нартексом и основным объемом. Обладала ли такой же особенностью церковь домонгольского времени, неизвестно. По сравнению с другими постройками этой группы нартекс церкви Жен Мироносиц увеличен и занимает гораздо большую площадь, вследствие этого подкупольный квадрат сдвинут к востоку.

Высказанные соображения об архитектурном облике церкви Успения на Торгу и тем более церкви Жен Мироносиц весьма гипотетичны, поскольку об их архитектуре приходится судить опосредованно: исходя из анализа архитектурных особенностей храмов XV и XVI вв. Однако необходимо учитывать, что при «архитектурных реставрациях» внешний облик предшествующего храма, а тем более форма столбов воссоздавались далеко не всегда. Например, отличную от храмов-предшественников объемно-пространственную композицию в ходе «реставраций» середины XV в. получили Спасский собор в Старой Руссе и церковь Михаила Архангела на Михайловой улице¹⁷⁴. Форма столбов была изменена при перестройке Спасского собора в Старой Руссе и в церкви Воскресения на Мячине¹⁷⁵.

¹⁷³ Новосёлов Н. В., Хрусталеv Д. Г. Храм на «старой основе» – церковь Жен Мироносиц в Новгороде (опыт исторической реконструкции) // Ладога – первая столица... С. 92–94.

¹⁷⁴ Антипов И. В. Указ. соч. С. 78–80, 83–84.

¹⁷⁵ Антипов И. В. Указ. соч. С. 79, 91.

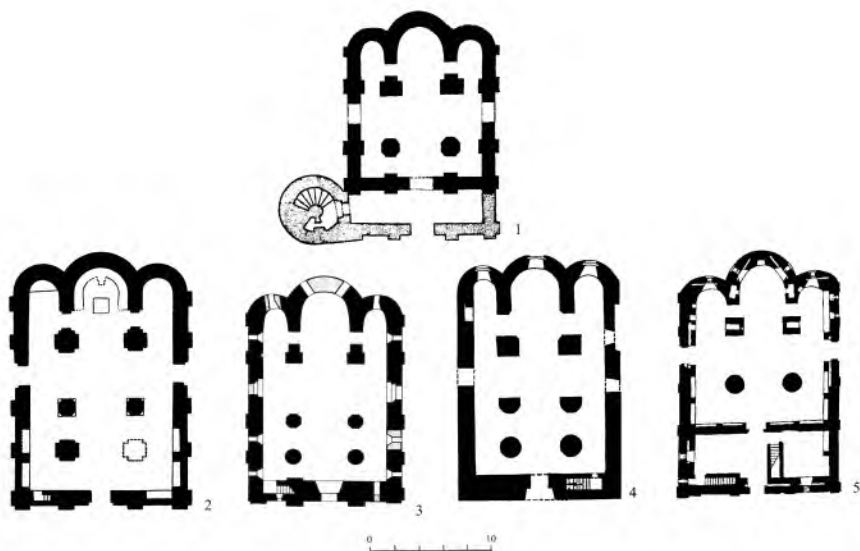

Рис. 9. Рождественский собор Антониева монастыря и храмы первой типологической группы: 1 – Рождественский собор Антониева монастыря (по Г. М. Штендеру и В. М. Ковалевой); 2 – церковь Воскресения в Переяславле (по М. К. Каргеру); 3 – Иоанновский собор во Пскове (по С. П. Михайлову); 4 – церковь Успения на Торгу в Новгороде (по Т. В. Гладенко); 5 – церковь Жен Мироносиц в Новгороде (по Т. В. Гладенко)

С другой стороны, трудно поверить, что столь яркие архитектурные особенности, отмеченные в формах и композиции Иоанновского и Воскресенского храмов, не нашли отражения в других, близких к ним по времени, постройках. В силу этого обстоятельства, предположение о том, что церкви Успения на Торгу и Жен Мироносиц относились к этому же типу храмов, что и Иоанновский собор в Пскове и церковь Воскресения в Переяславле, на наш взгляд, имеет право на существование.

Рассматривая это предположение в качестве рабочей гипотезы, мы можем говорить о серии построек, которые объединены общими композиционными и стилистическими особенностями (рис. 9). Главными из этих особенностей являются продольная ориентация плана, наличие восьмигранных или круглых столбов и отсутствие внутренних лопаток. Эти постройки объединены общей архитектурной идеей, которая выражается в стремлении обозначить и подчеркнуть целостность внутреннего пространства храма.

Наиболее ранней из этих построек представляется церковь Воскресения в Переяславле, явившаяся плодом совместной деятельности новгородских и южнорусских (киевских и черниговских) мастеров. Влиянием архитектуры этого храма логично объяснить появление ряда

конструктивных и художественных элементов в новгородской архитектуре позднейшего времени. В этом отношении церковь Воскресения можно рассматривать как связующее звено между собором Антониева монастыря и постройками новгородского зодчества 30–40-х гг. (церковь Успения на Торгу и Иоанновский собор в Пскове). Из памятников Новгородской земли, относящихся к этому же направлению, наиболее близкой к церкви Воскресения по своим размерам и пропорциональному строю представляется церковь Успения на Торгу. В Иоанновском соборе зодчие возвращаются к пропорциональной схеме Рождественского собора Антониева монастыря. Вероятно, Рождественский собор являлся непосредственным образцом для псковского храма. В то же время здесь очевидно и влияние церкви Успения, причем, вероятно, в уже завершенном варианте. Церковь Жен Мироносиц, по-видимому, является наиболее поздней среди этой серии построек. Очень вероятно, что в архитектуре этого храма нашли отражение и особенности построек другого направления, речь о котором пойдет ниже.

Антитезис: храмы типа Мирожя (пространственный крест вписан в квадрат основного объема)

Круг построек, относящихся ко второму архитектурному направлению и имеющих характерные типологические черты, впервые был обозначен С. В. Лалазаровым. Это Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря в Пскове, церковь Климента и церковь Георгия (первого строительного периода) в Старой Ладоге (рис. 10). Исследователи давно отмечали близость Мирожского собора и церкви Климента¹⁷⁶. После раскопок церкви Климента Л. Н. Большаковым и П. А. Раппопортом в 1979–1980 гг. эта точка зрения становится хрестоматийной. Исследования С. В. Лалазарова позволили расширить круг этих памятников, включив в него старолadoжскую церковь Георгия (первого строительного периода). В ходе исследований церкви Георгия С. В. Лалазаровым было установлено, что существующий храм стоит на фундаментах, которые изначально предназначались для храма и иным объемно-пространственным решением¹⁷⁷. В этом (неосуществленном) варианте церковь Георгия оказывалась близка собору Мирожского монастыря и церкви Климента¹⁷⁸. Таким образом, выводы С. В. Лалазарова

¹⁷⁶ Воронин Н. Н. У истоков русского национального зодчества // Ежегодник Института истории искусств. М., 1952. С. 283; Алферова Г. В. Собор Спасо-Мирожского монастыря // Архитектурное наследство. М., 1958. Вып. 10. С. 24; Раппопорт П. А. Археологические исследования памятников русского зодчества XI–XII вв. // СА. 1962. № 2. С. 73; Максимов П. Н. Архитектура Новгородской земли XII – начала XIII в. Всеобщая история архитектуры. Т. 3. М.; Л., 1966. С. 651.

¹⁷⁷ Лалазаров С. В. Два этапа строительства церкви Георгия в Старой Ладогe // ДРИ. Русь и страны византийского мира: XII век. СПб., 2002. С. 298–306.

¹⁷⁸ Там же. С. 306.

позволили говорить уже о некоторой «серийности» построек данного типа, что существенным образом усложняло схему П. А. Раппопорта: Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря – церковь Климента – остальные ладожские храмы. Теперь в эволюционном ряду между собором Мирожского монастыря и группой ладожских храмов помимо церкви Климента нужно было поставить и церковь Георгия. При этом необходимо было учитывать и очевидный консерватизм построек этой группы, поскольку архитектура Георгиевского храма (в неосуществленном варианте) не дает основания говорить о каком-либо развитии форм в сторону храмов «новгородского типа».

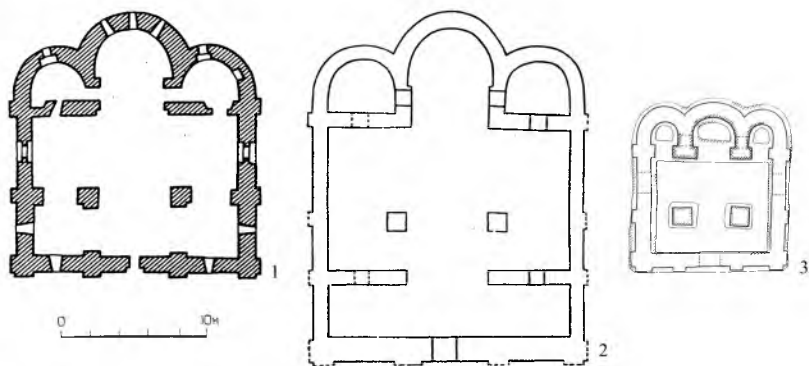

Рис. 10. Храмы второй типологической группы:
1 – Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря (по П. А. Раппопорту); 2 – церковь Климента в Старой Ладогe (по Л. Н. Большакову и П. А. Раппопорту); 3 – церковь Георгия в Старой Ладогe первого строительного периода (по С. В. Лалазарову)

Относящиеся к этому направлению храмы имеют центричную объемную композицию. Отличительной чертой построек является архитектурно подчеркнутый пространственный крест, вписывающийся в квадрат основного объема. Другая отличительная черта построек этой группы – отсутствие крайних восточных лопаток на северном и южном фасадах. В храмах без нартекса северный и южный фасады имеют трехчастную структуру, где центральное членение соответствует рукавам пространственного креста, а восточное членение – апсидам; при наличии нартекса с запада добавляется еще одно членение, соответствующее этому объему. Данная особенность позволяет предположить, что боковые апсиды храмов этой группы были пониженными (как у собора Мирожского монастыря).

Среди этих построек наиболее изучен Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря, единственный из памятников этой группы, сохранившийся в основном объеме. Спасо-Преображенский собор пред-

ставляет собой трехапсидный храм с крестообразной композицией масс. По выражению А. И. Комеча, «он выглядит как вписанное в квадрат плана крестообразное здание»¹⁷⁹. Высота рукавов пространственного креста около 10 м, а боковых апсид и западных угловых членений в два раза меньше, при этом длина храма практически равна ширине (длина 16,5 м, ширина 15,3 м)¹⁸⁰.

Крестообразный объем храма, столь очевидно обозначенный внешне, выделен и в интерьере. Объемы боковых апсид отделены от наоса: восточные подкупольные опоры представляют собой не столбы, а отрезки стенок с узкими проемами. Важнейшим вопросом для понимания композиции интерьера является вопрос об изначальной форме западных подкупольных опор. В настоящее время эти опоры представляют собой свободно стоящие Г-образные столбы, соединенные с внешними стенами широкими арками. По мнению М. И. Мильчика и Г. М. Штендера, такую форму восточные опоры имели изначальную¹⁸¹. Это мнение основано на материалах обследования собора конца XIX в., в частности, на упоминании исследователей того времени о том, что «фундамент под северо-западным пилоном устроен столбом»¹⁸². Напротив, Г. В. Алферова и М. Н. Соболева считали, что изначальное западные угловые членения в нижней части были полностью изолированы от основного объема¹⁸³. К такому же выводу склоняются и современные исследователи памятника. По их мнению, западные угловые членения собора изначальное представляли собой изолированные компартименты, в которых, вероятно, располагались приделы¹⁸⁴. Западные подкупольные опоры, таким образом, изначальное представляли собой не столбы, а сплошные стенки, которые позднее были растесаны.

Еще в ходе исследований конца XIX в. было установлено, что строительство собора происходило в два этапа (рис. 11). В ходе первого этапа был создан основной объем храма с пониженными западными угловыми членениями. На втором этапе строительства западные угловые членения были надстроены и приобрели в верхней части вид замк-

¹⁷⁹ Комеч А. И. Каменная летопись Пскова... С. 43.

¹⁸⁰ Раппопорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв.... С. 81.

¹⁸¹ Мильчик М. И., Штендер Г. М. Западные камеры собора Мирожского монастыря в Пскове (К вопросу о первоначальной композиции храма) // ДРИ. Художественная культура X – первой половины XIII в. М., 1988. С. 84.

¹⁸² Котов Г. И., Сулов В. В., Преображенский М. Т. О реставрации Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря // РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. № 63 в. 1886 г. Л. 6.

¹⁸³ Алферова Г. В. Указ. соч. С. 19, 22; Соболева М. Н. Стенопись Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря в Пскове // ДРИ. Художественная культура Пскова. М., 1968. С. 10.

¹⁸⁴ Никитин В., Голубева И. Единственный на Руси. История создания, жизни и реставрации Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря. Часть первая. XII век // Псковская губерния. № 33 (454). 02–08 сентября 2009 г. С. 14; Сарабьянов В. Д. Успенский собор Старой Ладogi и хронология ладожского храмового строительства // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. 80-летию со дня рождения А. Н. Кирпичникова. Т. II. М., 2010. С. 296.

нутых палаток¹⁸⁵. Этот вывод был подтвержден при позднейших исследованиях храма¹⁸⁶. По мнению большинства исследователей, надстройка угловых палаток была произведена вскоре после возведения основного объема храма. М. И. Мильчик и Г. М. Штендер считали, что палатки были надстроены непосредственно перед росписью храма¹⁸⁷. Однако В. Д. Сарабьянов убедительно доказал, что надстройка палаток производилась одновременно с росписью¹⁸⁸. Надстройка западных угловых членений сильно изменила внешний облик храма. Изначальная композиционная целостность сооружения была нарушена. Храм приобрел кубический объем с позакомарным завершением западного фасада.

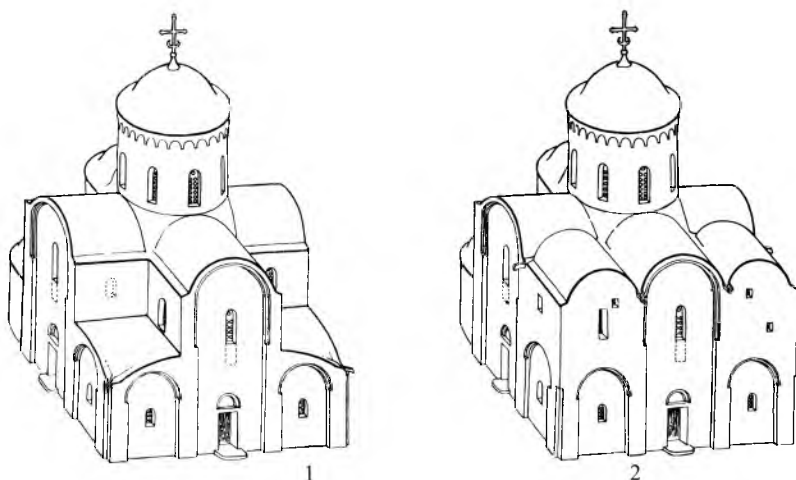

Рис. 11. Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря. Реконструкция. 1 – первоначальный замысел; 2 – изменение первоначального замысла (по М. И. Мильчику и Г. М. Штендеру)

С первоначальной композицией храма связано расположение оконных проемов. Характер расположения окон в Спасо-Преображенском соборе уникален и не имеет аналогий среди построек древнерусской архитектуры. А. И. Комечем было отмечено, что на первом этапе строительства окна всех фасадов образовывали пирамидальную компо-

¹⁸⁵ Суслов В. В. О реставрации Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря: Пояснительная записка в Императорскую Археологическую комиссию // РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. № 63 г. 1886 г. Л. 43–43 об.

¹⁸⁶ Алферова Г. В. Указ. соч. С. 14–15; Мильчик М. И., Штендер Г. М. Указ. соч. С. 78–81; Никитин В., Голубева И. Указ. соч. С. 14.

¹⁸⁷ Мильчик М. И., Штендер Г. М. Указ. соч. С. 81–82.

¹⁸⁸ Сарабьянов В. Д. Хронология строительных и художественных работ в соборе Мирожского монастыря: к проблеме датировки памятника // ДРИ. Византия, Русь, Западная Европа: искусство и культура. СПб., 2002. С. 124–141.

зицию¹⁸⁹. Изначальное расположение оконных проемов, по мнению исследователя, указывает на продуманность концепции освещения внутреннего пространства и на преднамеренное использование света в создании дополнительных эмоциональных акцентов¹⁹⁰.

Изначально в храме не планировалось устройства хор. Они появились лишь на втором этапе строительства в результате изменения первоначального замысла. По мнению М. И. Мильчика и Г. М. Штендера, еще до надстройки палаток в северной стене западного рукава креста был создан дверной проем, который вел с крыши пониженного северо-западного помещения в интерьер храма, на помост хор. Таким образом, первые изменения в первоначальный замысел были внесены еще при строительстве основного крестообразного объема, когда кладка была доведена до уровня помоста хор. После надстройки угловых камер было создано еще два дверных проема. Один из них располагался в южной стене западного рукава креста, на месте первоначального окна, и вел с помоста в южную камеру. Второй дверной проем находился в западной стене северной камеры. Наличие этого проема, считали исследователи, свидетельствовало о том, что вход на полати храма был организован снаружи – через переход из расположенного по соседству здания¹⁹¹. Изначальным отсутствием хор обычно объясняется и отсутствие внутренней лестницы¹⁹².

Выводы М. И. Мильчика и Г. М. Штендера, однако, не были подтверждены в ходе последних исследований собора. По мнению В. Е. Никитина и И. Б. Голубевой, на первом этапе строительства никаких дверных проемов в верхней части храма не существовало, а проем, выявленный М. И. Мильчиком и Г. М. Штендером в северной стене западной ветви креста, являлся оконным проемом. Следовательно, «двухэтапности» изменения первоначального замысла не было. После надстройки угловых камер в их западных стенах было сделано по три небольших оконных проема. В западной стене северной камеры окна были расположены симметрично: два маленьких окна сверху и одно окно средних размеров внизу. В ходе работ по строительству верхних камер это окно использовалось в качестве дверного проема, но после завершения работ было наполовину заложено. Таким образом, попасть в угловые палатки можно было лишь по приставной лестнице, расположенной в западном рукаве креста и выходившей на помост. В западной стене южной камеры было создано три маленьких окна, расположенных ассиметрично, причем южное окно находилось практически на уровне пола. Окна в западной ветви креста в ходе работ второго этапа были растесаны и превращены в дверные проемы с выходом на помост, соединяющий камеры¹⁹³.

¹⁸⁹ Комеч А. И. Композиция фасадов новгородских церквей... С. 103.

¹⁹⁰ Он же. Каменная летопись Пскова... С. 50–51.

¹⁹¹ Мильчик М. И., Штендер Г. М. Указ. соч. С. 79–80.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Никитин В., Голубева И. Указ. соч. С. 14.

Появившиеся в результате изменения первоначального замысла хоры представляли собой две замкнутые угловые камеры, соединенные деревянным настилом. В строгом смысле это первый пример хор с палатками в новгородской архитектуре. Хоры такого же типа (угловые палатки, соединенные деревянным настилом) известны в церкви Успения и церкви Георгия в Старой Ладоге, в новгородских церквях Петра и Павла, Спаса на Нередице, Благовещения на Мячине. Вероятно, такой же была конструкция хор и в большинстве других новгородских храмах конца XII – начала XIII в. Между тем необходимо подчеркнуть, что палатки в соборе Мирожского монастыря появились в результате изменения первоначального замысла. Надстроенные угловые членения примкнули к уже возведенному крестообразному объему, то есть палатки возникли как бы случайно.

Родственной по своей архитектуре Спасо-Преображенскому собору Мирожского монастыря является церковь Климента в Старой Ладоге. Основной объем церкви по своим размерам и плановой композиции весьма близок мирожскому храму. Боковые апсиды в церкви Климента были изолированы от наоса, а восточные подкупольные опоры представляли собой не самостоятельные столбы, а углы стенок с проходами. Закругления боковых апсид начинаются непосредственно от лопаток, соответствующих восточным подкупольным опорам, а крайние восточные лопатки на северном и южном фасадах отсутствуют.

Так же, как и в соборе Мирожского монастыря, в церкви Климента очевидно доминирование купола и пространственного креста, однако «крестообразность» композиции выражена несколько слабее, поскольку западные подкупольные столбы являются не отрезками стен, а самостоятельными опорами. Они имеют квадратное сечение и расположены на достаточно большом расстоянии от внешних стен.

В отличие от Спасо-Преображенского собора церковь Климента имела нартекс. В центральном нефе нартекс был полностью открыт в основной объем храма, а боковых нефах отделялся от него стенами с узкими проемами. Наличие нартекса свидетельствует о том, что западные угловые членения основного объема храма были высокими¹⁹⁴. Данное обстоятельство позволяло исследователям считать, что образцом для церкви Климента явилась не первоначальная объемная композиция собора Мирожского монастыря, а возникшая после надстройки угловых палаток¹⁹⁵.

Наличие нартекса предполагает и наличие хор. Возможная конструкция хор является предметом дискуссий. Г. М. Штендером высказывалось предположение о П-образном плане хор¹⁹⁶. Однако не исключе-

¹⁹⁴ *Большаков Л. Н., Раннопорт П. А.* Раскопки церкви Климента в Старой Ладоге // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 115.

¹⁹⁵ Там же.

¹⁹⁶ *Штендер Г. М.* Архитектура Новгородской земли XI–XIII вв. Автореф. дис. ... канд. архитектуры. Л., 1984. С. 11.

но, что хоры располагались лишь в пределах нартекса и не выходили в основное пространство храма.

Вход на хоры, по мнению Л. Н. Большакова и П. А. Раппопорта, был организован по внутрстенной лестнице, расположенной в толще западной стены. Об этом, как полагали исследователи, свидетельствует увеличенная толщина фундамента западной стены – около 2 м (реконструируемая толщина стены – около 1,7 м), толщина фундаментов остальных внешних стен храма 1,25 м¹⁹⁷. Наличие внутрстенной лестницы в толще западной стены при повторе композиционной схемы собора Мирожского монастыря, по мнению ученых, явилось «существенным шагом в разработке самостоятельных новгородских архитектурных форм»¹⁹⁸.

В 1939 г. экспедицией В. И. Равдоникаса была раскопана упавшая западная стена церкви Климента. Стена имела высоту около 15 м. В центральном прясле стены было выявлено два оконных проема, расположенных на одном уровне и перекрытых полуциркульными перемычками, и остатки арки портала¹⁹⁹.

При попытке реконструировать западный фасад и совместить план развала западной стены с планами храма (планом Н. И. Репникова 1913 г. и планом Л. Н. Большакова и П. А. Раппопорта 1980 г.) выявленные оконные проемы оказываются расположенными в южной части центрального прясла. Для уравнивания композиции они должны быть дополнены еще одним (северным) оконным проемом. Таким образом, в центральной части западного фасада, по нашей версии, существовала композиция из трех окон, что представляется вполне логичным. Предложенная реконструкция композиции западного фасада церкви Климента роднит этот памятник с новгородскими храмами начала XII в., а также с постройками Юга Руси.

Этот вывод кажется особенно интересным, если вспомнить, что церковь Климента объединяет с южнорусскими памятниками и ряд строительно-технических особенностей. К таким особенностям относятся укладка фундамента в котлован, расположение первого ряда связей непосредственно над фундаментом, отсутствие раскреповки под лопатки на уровне фундамента²⁰⁰.

На сегодняшний день церковь Климента представляется памятником в достаточной степени изученным. Однако, несмотря на кажущуюся изученность, многие вопросы планового и пространственного решения пока что остаются спорными. К такому выводу пришел Б. Г. Васильев, проанализировав результаты исследований разных лет²⁰¹.

¹⁹⁷ Большаков Л. Н., Раппопорт П. А. Указ. соч. С. 113, 115.

¹⁹⁸ Там же. С. 115–116.

¹⁹⁹ Равдоникас В. И. План развала упавшей западной стены церкви Климента. 1939 г. // Архив ИИМК РАН. РО. Р I. Д. 1366.

²⁰⁰ Новосёлов Н. В. От Благовещения до Благовещения. С. 52, 60–61.

²⁰¹ Васильев Б. Г. Фрески церкви св. Климента 1153 г. в Старой Ладогге. Ч. 1. История храма и технико-технологические особенности фресок // Староладожский сборник.

РЕСТАВРАЦІЯ ЦЕРК.СВ КЛИМЕНТА

 Кладка существующая, видимая.
 Кладка предполагаемая.

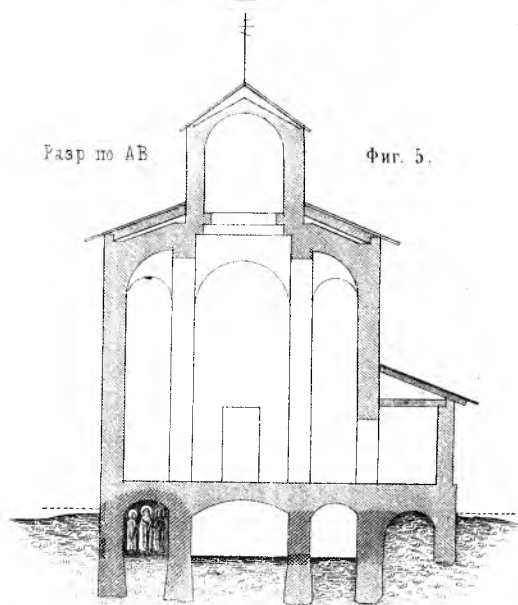
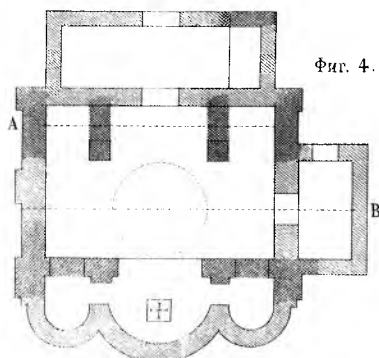

Рис. 12. Церковь Климента в Старой Ладоге.
 Реконструкция Д. А. Сабанесва (Сабанесв Д. А. Заметка о древней
 Климентовской церкви // ЗРАО. 1886. Т. 1. Фиг. 4)

Наибольшее количество разночтений Б. Г. Васильевым было выявлено между данными Л. Н. Большакова и П. А. Раппопорта и данными первого исследователя церкви Климента – Д. А. Сабанеева. Необходимо отметить, что эти разночтения не могут быть объяснены условностью чертежей Д. А. Сабанеева, на которых многие элементы обозначены как «кладка существующая видимая». Наблюдения Д. А. Сабанеева, однако, не были подтверждены ни одним из последующих исследователей церкви Климента, что, очевидно, связано с продолжением разрушения памятника и общим ухудшением его состояния.

Исходя из этих чертежей (рис. 12)²⁰², можно предположить наличие у церкви северного притвора, а специально отмеченное несовпадение ширины нартекса и основного объема храма дает основание рассматривать крайнее западное членение не как нартекс, а, скорее, как широкий притвор²⁰³. Заслуживает внимания и еще одна деталь на чертеже Д. А. Сабанеева, которая Б. Г. Васильевым почему-то не была отмечена: западные подкупольные столбы соединены со стеной, отделяющей нартекс (или притвор) от основного объема храма.

Низкий свод западной части церкви на чертеже Д. А. Сабанеева²⁰⁴, по мнению Б. Г. Васильева, может объясняться «определенным решением объема этой части церкви»²⁰⁵. К такому же выводу исследователь приходит, исходя из анализа чертежа упавшей западной стены, раскрытой В. И. Равдоникасом. Особенности контура западной стены, по мнению Б. Г. Васильева, могут свидетельствовать о том, что своды угловых частей нартекса были пониженными²⁰⁶.

Б. Г. Васильевым была отмечена и спорность выводов Л. Н. Большакова и П. А. Раппопорта о наличии внутristенной лестницы в толще западной стены, поскольку лестница не была зафиксирована ни Д. А. Сабанеевым, ни Н. И. Репниковым²⁰⁷. Заметим, что внутristенная лестница отсутствовала и в двух других храмах этой группы – в соборе Мирожского монастыря и в староладожской церкви Георгия.

Церковь Георгия в Старой Ладогe имеет гораздо меньшие размеры, чем собор Мирожского монастыря или церковь Климента. Длина храма составляет 11,2 м, а ширина 10,3 м²⁰⁸. Возможно, небольшие размеры церкви объясняются местом ее расположения – в пределах крепости. Вероятно, церковь предназначалась, главным образом, для гарни-

²⁰² Сабанеев Д. А. Заметка о древней Климентовской церкви // ЗРАО. 1886. Т. 1. Фиг. 4.

²⁰³ Васильев Б. Г. Указ. соч. С. 85.

²⁰⁴ Сабанеев Д. А. Указ. соч. Фиг. 5.

²⁰⁵ Васильев Б. Г. Указ. соч. С. 85.

²⁰⁶ Там же. С. 81, 85. На наш взгляд, исходя из чертежа В. И. Равдоникаса, такой вывод сделать нельзя.

²⁰⁷ Там же. С. 85.

²⁰⁸ Раппопорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв.... С. 78.

зона. В то же время по своему пропорциональному строю церковь Георгия близка собору Мирожского монастыря и церкви Климента. Сближает эти памятники и ряд архитектурных особенностей.

В изначально задуманном варианте церковь Георгия имела Т-образные восточные столбы, соединенные с межапсидными стенками²⁰⁹. Лопаткам восточных столбов отвечали лопатки на стенах. Таким образом, объемы боковых апсид оказывались изолированными от наоса. Крайние восточные лопатки на северном и южном фасадах отсутствовали. Западные столбы, так же как и в церкви Климента, имели квадратное сечение²¹⁰. Длина сторон западных столбов превосходила толщину стен и была близка длине расширенных частей Т-образных восточных столбов. В ходе второго этапа строительства форма восточных столбов была изменена (они стали Г-образными), а площадь западных столбов была уменьшена²¹¹.

На первом этапе строительства в церкви Георгия не предполагалось устройства лестницы в толще западной стены. Об этом свидетельствует увеличение толщины западной стены на втором этапе строительства храма, которое было необходимо для размещения в ней лестницы. При увеличении толщины стены не было выполнено дополнительной прикладки фундамента, поэтому внутренняя часть стены нависала над фундаментом и лежала непосредственно на культурном слое²¹². Отсутствие внутрстенной лестницы при небольших размерах храма дает основание полагать, что устройство хор также не входило в первоначальный замысел.

Таким образом, в изначально задуманном варианте церковь Георгия реконструируется как храм с центричной композицией, с пониженными боковыми апсидами и, возможно, западными угловыми членениями, без внутрстенной лестницы и хор²¹³. Архитектурные особенности существующего храма, созданного в ходе второго строительного периода, во многом связаны с использованием фундаментов, предназначенных для храма другого типа²¹⁴.

Круг построек, относящихся к архитектурному направлению, представленному собором Мирожского монастыря, церковью Климента и церковью Георгия, на наш взгляд, может быть расширен. К постройкам этой группы, по нашему мнению, может быть отнесен еще один памятник – Троицкий собор во Пскове.

Троицкий собор, созданный в домонгольское время, до наших дней не сохранился. Домонгольский храм был капитально перестроен в 1365–1367 гг.²¹⁵ Вопрос о том, насколько в ходе этой перестройки были

²⁰⁹ Лалазаров С. В. Два этапа строительства церкви Георгия... С. 298, 300.

²¹⁰ Там же. С. 300–301.

²¹¹ Там же. С. 300–301.

²¹² Там же. С. 302.

²¹³ Там же. С. 311.

²¹⁴ Там же. С. 305–310.

²¹⁵ НПЛ. С. 369.

использованы части домонгольского здания, является предметом дискуссий. Упоминание летописей о строительстве храма 1365–1367 гг. на «старой основе» дает основание полагать, что, по крайней мере, план собора домонгольского времени был сохранен. В 1689 г. храм XII–XIV вв. был разобран, а на его месте в 1699 г. выстроен новый собор, существующий в настоящее время. Все выводы исследователей об архитектурном облике домонгольского Троицкого собора основываются на обмерном плане и рисунке западного фасада собора, выполненных в конце XVII в., на которых изображен Троицкий собор в редакции 1365–1367 гг.²¹⁶

Троицкий собор, изображенный на плане конца XVII в., по своему пропорциональному строю оказывается весьма близок храмам, выделенным С. В. Лалазаровым в одну типологическую группу (особенно церкви Климента). Характерной чертой Троицкого собора, так же как и храмов этой группы, является центричная композиция основного объема с вписывающимся в квадрат пространственным крестом. Общие пропорции здания (соотношение длины и ширины, отношение размеров подкупольного квадрата к ширине боковых нефов, небольшая глубина полукружий апсид) также близки храмам этой группы.

О форме столбов и о наличии лопаток на основании чертежа судить сложно. Лопатки на чертеже выглядят пристроенными объемами. Кроме того, на чертеже не отмечены лопатки напротив восточных столбов, где они кажутся наиболее необходимыми. По мнению А. И. Комеча, Троицкий собор XII и XIV вв. имел крестчатые столбы. Такую форму столбов исследователь объяснял влиянием смоленской архитектуры конца XII в.²¹⁷ Напротив, А. А. Тиц и Вл. В. Седов предполагали наличие в Троицком соборе XII и XIV вв. квадратных столбов²¹⁸. Это предположение кажется особенно интересным, если вспомнить, что квадратные столбы имела церковь Климента в Старой Ладоге.

Пожалуй, еще больше общих черт между изображениями Троицкого собора и реконструкцией плана церкви Климента в Старой Ладоге, выполненной Д. А. Сабанеевым.

²¹⁶ Рисунок западного фасада был опубликован А. И. Некрасовым (*Некрасов А. И. Очерки по истории древнерусского зодчества XI–XVII века. М., 1936. С. 167. Рис. 104*) и подробно прокомментирован Н. Н. Ворониным (*Воронин Н. Н. У истоков русского национального зодчества // Ежегодник Института истории искусств. М., 1952. С. 282–299*). Обмерный план был введен в научный оборот А. А. Тицем. На основании этого плана А. А. Тиц реконструировал собор 1365–1367 гг. (*Тиц А. А. Обмерные и проектные чертежи XVII в. Троицкого собора в Пскове // Средневековая Русь. М., 1976. С. 336–343*).

²¹⁷ *Комеч А. И. Каменная летопись Пскова... С. 112.*

²¹⁸ *Тиц А. А. Указ. соч. С. 340, рис.; Седов Вл. В. Псковская архитектура XIV–XV веков. Происхождение и становление традиции // Архив архитектуры. Вып. III. М., 1992. С. 70.*

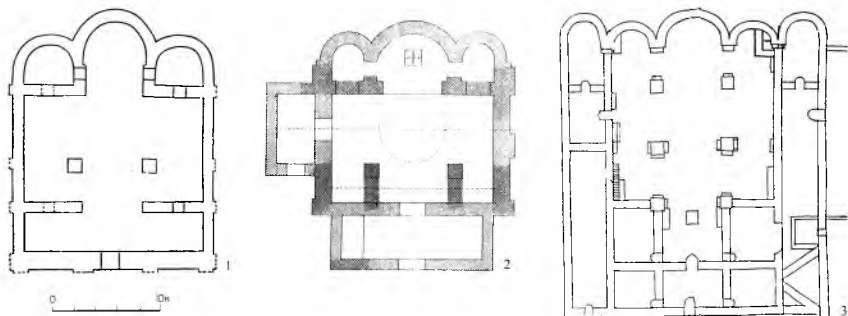

Рис. 13. Церковь Климента в Старой Ладогe и Троицкий собор во Пскове. 1 – церковь Климента (по Л. Н. Большакову и П. А. Раппопорту); 2 – церковь Климента (по Д. А. Сабанееву); 3 – Троицкий собор (по чертежу 1689 г.)

На рисунке конца XVII в. Троицкий собор имеет пониженный относительно основного объема нартекс. Таким обычно и реконструируется нартекс в соборах XII и XIV вв.²¹⁹ Храмы с пониженным нартексом в новгородской архитектуре неизвестны. Единственным памятником, напоминающим Троицкий собор «необычностью», «нестандартностью» решения западной части, может быть церковь Климента.

Судя по плану конца XVII в., в Троицком соборе не было внутренней лестницы, а подъем на хоры был организован по лестнице, расположенной в северо-западной части наоса. Это обстоятельство также позволяет сблизить Троицкий собор с храмами выделенной С. В. Лалазаровым группы. Мы знаем, что внутренняя лестница отсутствовала в Мирожском соборе, не планировалось ее создание и в церкви Георгия, а наличие внутренней лестницы в церкви Климента в настоящее время нельзя считать абсолютно доказанным.

Таким образом, Троицкий собор, на наш взгляд, может быть отнесен к тому же кругу построек, что и собор Мирожского монастыря, церковь Климента и церковь Георгия. Наибольшее сходство Троицкий собор обнаруживает с церковью Климента (рис. 13). Возможно, это объясняется одинаковым назначением обоих храмов. Троицкий собор являлся главным городским храмом Пскова; на роль главного городского храма, вероятно, претендовала и церковь Климента в Старой Ладогe. Отличительные особенности собора Мирожского монастыря и церкви Георгия опять-таки можно объяснить назначением этих построек: мирожский собор являлся монастырским храмом, а церковь Георгия – крепостной церковью, предназначенной для нужд гарнизона.

²¹⁹ *Спегальский Ю. П.* Псков. Л.; М., 1963. С. 20, рис. 6; *Тиц А. А.* Указ. соч. С. 341, рис.

Архитектурные особенности построек этой группы, столь отчетливо диссонирующие с более ранними памятниками новгородского круга, ставят вопрос об их происхождении.

Троицкий собор никогда не рассматривался исследователями как храм, относящийся к этой группе построек, поэтому наиболее ранним в этом ряду памятников признавался Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря. Архитектурный тип этого храма обычно объяснялся участием в его строительстве византийского зодчего²²⁰.

Несколько иная точка зрения на архитектуру собора была высказана Вл. В. Седовым. По его мнению, Спасо-Преображенский собор связан с византийской архитектурой не напрямую, а опосредованно; непосредственное же влияние на происхождение архитектурного типа собора оказали центричные постройки переяславской архитектурной школы²²¹. Относительно недавно точка зрения Вл. В. Седова была поддержана О. М. Иоаннисяном²²².

Автором настоящей работы высказывалась мысль о близости памятников группы Мирожского к киево-переяславскому кругу: церкви на пл. Воссоединения в Переяславле, большому собору Зарубского монастыря и церкви в усадьбе Художественного института в Киеве²²³. Особенности плана восточных частей этих храмов (характер расположения фундаментных лент, отсутствие в переяславском храме и в церкви в усадьбе Художественного института крайних восточных лопаток) позволяет предположить, что боковые апсиды в интерьере были изолированы от основного пространства и, вероятно, имели пониженный объем. В церкви на пл. Воссоединения пониженными могли быть и западные угловые членения. Эти памятники были датированы нами первой четвертью XII в.²²⁴

Отмеченные черты сходства между киево-переяславскими памятниками и памятниками группы Мирожского не дают, однако, основания напрямую связывать эти постройки, то есть предполагать участие в их создании одних и тех же зодчих и строителей. Несмотря на названные черты, сближающие эти памятники, различий между ними гораздо

²²⁰ Мильчик М. И., Штендер Г. М. Указ. соч. С. 93; Ратнопорт П. А. Древнерусская архитектура. СПб., 1993. С. 58; Комеч А. И. Каменная летопись Пскова... С. 43.

²²¹ Седов Вл. В. Собор Спасо-Мирожского монастыря: иконография и происхождение типа // Архив архитектуры. Вып. I. М., 1992. С. 16–17.

²²² Иоаннисян О. М. Зодчество древнего Переяславля XI–XII веков и его место в общей картине развития зодчества Древней Руси // Наукові записки з української історії. Збірник наукових статей. Випуск 20. Переяслав-Хмельницький, 2008. С. 187–190.

²²³ Новосёлов Н. В. Первые попытки разработки нового типа здания... С. 29, 35. Прим. 8; Он же. Общие тенденции в архитектуре Севера и Юга Руси во второй трети XII в. // Там же. С. 202–203.

²²⁴ Он же. Первые попытки разработки нового типа здания... С. 33–35. В недавнее время эта датировка в отношении храма в усадьбе Художественного института была подтверждена В. Д. Сарабяновым (Сарабянов В. Д. Заказчик и стиль в древнерусских росписях XII века // НИНЗ. Искусство и реставрация. Вып. 4. Великий Новгород, 2011. С. 43–44).

больше. Оставляя в стороне очевидные различия строительно-технологического характера, отметим ярко выраженную продольную ориентацию планов киево-перемыславских памятников и компактную, близкую к квадрату плановую композицию памятников группы Мирожского. На наш взгляд, сходство композиционного решения этих храмов логичнее объяснить проявлением одних и тех же тенденций (возможно, связанными с какими-то новациями в богослужебной практике), нашедших отражение в постройках Юга и Севера Руси.

Необходимо отметить, что отсутствие крайних восточных лопаток на северном и южном фасадах является отличительной чертой и ряда других памятников древнерусского зодчества. Такой особенностью обладают собор Феодоровского Вотьча монастыря в Киеве, большой собор Бельчицкого монастыря в Полоцке и Успенский собор в Старой Рязани. Данные памятники датируются концом 20-х – 50-ми годами XII в. Разумеется, у нас нет оснований связывать напрямую эти постройки с киево-перемыславскими памятниками или храмами типа Мирожского. Однако композиция восточных частей этих храмов может свидетельствовать о развитии архитектурной мысли в том же направлении.

В таком контексте собор Мирожского монастыря уже не выглядит одинокой постройкой в ряду других памятников древнерусского зодчества, и вопрос об участии византийских мастеров в создании памятников группы Мирожского утрачивает свою остроту. Кроме того, если в эту группу добавить и Троицкий собор, собор Мирожского монастыря нельзя, вероятно, считать и наиболее ранним храмом среди этих построек.

Синтез: церковь Дмитрия Солунского во Пскове и храмы ладожского типа

Анализ архитектурных особенностей новгородских построек 30–50-х гг. XII в. позволяет говорить о наличии в новгородской архитектуре этого времени двух направлений. Одно из этих направлений характеризуется стремлением к целостности и единству внутреннего пространства, а другое – стремлением архитектурно обозначить пространственный крест и изолировать боковые апсиды. Постройки, относящиеся и к одному и к другому направлению, обладают ярко выраженными типологическими признаками. К одному архитектурному типу относятся храмы с продольной ориентацией плана, с круглыми или восьмигранными столбами, без лопаток в интерьере, к другому типу – храмы с архитектурно выраженным пространственным крестом, вписанным в квадрат основного объема, и с изолированными боковыми апсидами.

Казалось бы, данные особенности могут указывать на работу двух независимых друг от друга производственных коллективов. Такой вывод, однако, следует считать преждевременным. Несмотря на очевидные типологические и стилистические различия, памятники обеих групп демонстрируют практически идентичную технику кладки и одина-

наковые приемы декоративного оформления фасадов. Особняком стоит лишь церковь Воскресения в Переяславле, характерные черты строительной техники которой свидетельствуют о работе южнорусских мастеров. Более того, есть все основания считать, что обозначенные направления не существовали изолированно друг от друга. Какие-то архитектурные решения, технические или декоративные приемы могли заимствоваться и перетекать из одного направления в другое.

Интересное в этом отношении наблюдение было сделано А. И. Комечем при анализе форм псковского Иоанновского собора. Коробовые своды над вимами боковых апсид Иоанновского храма следуют за линиями восточных арок, в то время как обычно они должны располагаться значительно выше — над арками. Боковые апсиды в таком случае должны были оказаться резко пониженными. Для того чтобы избежать этого, мастера вывели конхи боковых апсид выше сводов вим²²⁵. Говоря современным языком, мы имеем дело с производственной ошибкой, которая в ходе работ была исправлена. Данный факт может указывать на то, что в какой-то момент строительного процесса сооружение Иоанновского собора велось по схеме строительства храма с пониженными боковыми апсидами.

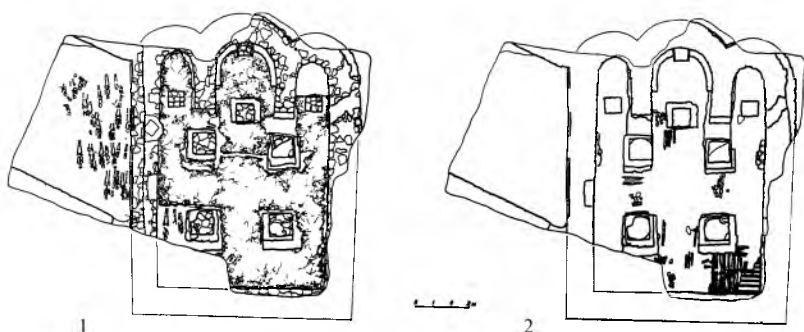

Рис. 14. Церковь Дмитрия Солунского во Пскове по материалам В. Д. Белецкого. 1 — план по уровню пола; 2 — план по матерiku (Белецкий В. Д. Псковская археологическая экспедиция 1965 г. Отчет о раскопках // НА ИА РАН. Р-1. № 3038. Л. 51, рис. 21)

Другое наблюдение, позволяющее говорить об изменении первоначального замысла в процессе строительства, было сделано автором настоящей работы в отношении церкви Дмитрия Солунского в Пскове.

В ходе раскопок храма, проводившихся в 1965–1966 гг. под руководством В. Д. Белецкого, была выявлена одна интересная особенность, позволяющая говорить об изменении первоначального архитектурного замысла в процессе строительства (рис. 14). В интерьере храма на уров-

²²⁵ Комеч А. И. Каменная летопись Пскова... С. 56, 58.

не цементажного пола домонгольского времени лопаток на стенах и столбах не зафиксировано²²⁶. Поскольку древний пол практически на всей площади храма вплотную примыкает к стенам и столбам, можно уверенно констатировать отсутствие лопаток в интерьере. Однако картина оказывается иной в горизонте ниже уровня пола²²⁷. На этом уровне напротив восточных столбов храма фиксируются очевидные выступы валунной кладки фундамента, ширина которых примерно равна ширине столбов домонгольской церкви. Не остается сомнений, что на эти выступы первоначально планировалось опереть лопатки, отвечающие восточным столбам храма. Выступы фундамента перекрываются цементажным полом, выше которого кладка лопаток отсутствует. Это свидетельствует о том, что на определенном этапе строительства храма (после устройства фундамента, но до начала возведения стен) в первоначальный замысел были внесены коррективы, и от идеи создания лопаток напротив восточных столбов отказались.

В неосуществленном варианте церковь Дмитрия удивительно похожа на ладожские храмы, традиционно рассматривающиеся как производные от собора Мирожского монастыря и церкви Климента, и кажется постройкой, опередившей свое время. Наличие лопаток напротив восточных столбов в изначально задуманном варианте предполагает изолированность боковых апсид. Такое архитектурное решение впервые появляется в старолadoжских памятниках. Восточные лопатки, расположенные напротив Г-образных восточных столбов, в старолadoжских храмах обычно трактуются как рудименты стенок, отделяющих боковые апсиды от наоса в соборе Мирожского монастыря и в церкви Климента.

Есть и другие особенности, позволяющие говорить о влиянии на архитектуру церкви Дмитрия храмов второго архитектурного направления (группы храмов типа Мирожского). А. И. Комечем было замечено, что ширина западных столбов церкви Дмитрия превосходит ширину стен, они «как бы включают в себя обычные крестообразные столбы»²²⁸. Напомним, что большая ширина западных столбов отмечалась С. В. Лалазаровым как одна из особенностей старолadoжской церкви Георгия первого строительного периода²²⁹. Схожие черты наблюдаются и в конструкции фундаментов этих храмов²³⁰. Западная стена церкви Дмитрия не имеет утолщения, что может указывать на отсутствие внутрискладной лестницы²³¹. Эта особенность опять-таки сближает церковь Дмитрия с храмами второй типологической группы.

²²⁶ Белецкий В. Д. Псковская археологическая экспедиция 1965 г. Отчет о раскопках // НА ИА РАН. Р-1. № 3038. Л. 51. Рис. 21.

²²⁷ Там же.

²²⁸ Комеч А. И. Каменная летопись Пскова... С. 66.

²²⁹ Лалазаров С. В. Два этапа строительства церкви Георгия... С. 300–301.

²³⁰ Фундаменты обоих храмов не имеют раскреповки под лопатки и деревянных субструкций в основании.

²³¹ Комеч А. И. Каменная летопись Пскова... С. 66.

В то же время по своему пропорциональному строю церковь Дмитрия сильно отличается от группы храмов типа Мирожя. План храма имеет продольную ориентацию и вписывается не в квадрат, а в прямоугольник. Еще В. Д. Белецкий обратил внимание на близость планов церкви Дмитрия и церкви Успения на Торгу²³². Выводы Д. В. Белецкого были поддержаны А. И. Комечем²³³. Действительно, церковь Дмитрия имеет такой же пропорциональный строй, что и церковь Успения на Торгу (ширина центрального нефа равна ширине боковым в сумме со столбами, а ширина внешних стен вынесена из этой зоны). Размер подкупольного квадрата в церкви Дмитрия практически равен размеру подкупольного квадрата в церкви Успения. Сближает эти постройки и схожая по своему плану кривая апсид: центральная апсида имеет очень небольшой вынос к востоку и расположена практически на одной линии с боковыми апсидами. В то же время общая ширина церкви Дмитрия примерно на ширину стены меньше ширины церкви Успения²³⁴. Уменьшение общей ширины постройки происходит за счет незначительного уменьшения ширины подкупольного пространства и за счет уменьшения ширины боковых нефов.

Создается впечатление, что строительство церкви Дмитрия на начальном этапе осуществлялась мастерами, работавшими в русле второго архитектурного направления (храмы типа Мирожя), которым, однако, была задана принципиально иная плановая и пропорциональная схема здания. Это схема построек иного типа, относящихся к первому архитектурному направлению (храмы с продольной ориентацией, с восьмигранными и круглыми столбами). Вероятно, применение именно этой плановой схемы объясняется условиями заказа. Интерпретация заданной схемы мастерами, работающими в рамках иного направления, уже на начальном этапе строительства привела к появлению «нестандартных» решений (лопатки напротив восточных столбов, большая площадь западных опор и, возможно, отсутствие внутристенной лестницы), которые должны были отразиться на композиции внутреннего пространства храма. Вероятно, именно поэтому на втором этапе строительства от некоторых элементов, невольно внесенных мастерами в структуру храма, было решено отказаться.

Какова же была композиция церкви Дмитрия Солунского в осуществленном варианте? Близость планового решения церкви Дмитрия и церкви Успения на Торгу позволяет предположить и близкую схему организации внутреннего пространства. В осуществленном варианте церковь Дмитрия, так же как и церковь Успения, не имела лопаток в интерьере. Выше мы отмечали, что отсутствие внутренних лопаток является отличительной чертой храмов с круглыми или восьмигранными

²³² Белецкий В. Д. Клейма и знаки на кирпичях XII в. из церкви Дмитрия Солунского в Пскове // СА. 1971. № 2. С. 276.

²³³ Комеч А. И. Каменная летопись Пскова... С. 39, 65.

²³⁴ Ширина церкви Успения на Торгу 13,5 м, а церкви Дмитрия около 12,6 м. И в том, и в другом случае в эти размеры включен вынос лопаток.

столбами. Близость же планов церкви Дмитрия и церкви Успения на Торгу дает основание предполагать, что западные столбы церкви Дмитрия могли иметь круглую или восьмигранную форму.

Рис. 15. Церковь Воскресения в Переяславле. Вид с юго-запада.
Фото 1953 г. (ФО НА ИИМК РАН, № негатива I 80755)

Казалось бы, подобное предположение выглядит несостоятельным, поскольку столбы церкви Дмитрия имеют квадратное сечение не только в фундаментной части, но и выше уровня пола. Между тем основания для такого предположения все-таки имеются. Круглые или восьмигранные столбы могли быть поставлены на квадратные базы. Ближайший пример такого архитектурного решения – церковь Воскресения в Переяславле, восьмигранные столбы которой стоят на квадратных основаниях (рис. 15). Основания восьмигранных столбов в церкви Воскресения имели небольшую высоту, незначительно возвышаясь над уровнем пола²³⁵. Не исключено такое же решение и в псковском Иоанновском соборе. Судя по разрезу, выполненному А. М. Харламовой и В. И. Эрном в 1946 г., крайние западные столбы и западные подкупольные столбы храма имели в нижней части расширение, превышающее сечение столбов примерно на 0,3 м (рис. 16)²³⁶. Близкую конструкцию имеют и западные столбы Никольского собора в Старой Ладогe, которые в нижней части (на высоту около 0,5 м) имеют квадратное сечение,

²³⁵ Рапопорт П. А. Дневник Переяславской экспедиции. 1953 г. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Д. 67. 1953. Л. 37, 38, 53.

²³⁶ Бирюков Ю. Б. Поздние перестройки и история исследований собора Иоанновского монастыря во Пскове // *Seminarium Bulkinianum*. К 60-летию Валентина Александровича Булкина. Сб. статей. СПб., 1999. С. 87, рис.

а выше приобретают крестчатую форму²³⁷. Схожую конструкцию имели и столбы ряда смоленских памятников. Их основания представляли собой площадки высотой до 0,7 м, площадь которых превышала сечение столбов²³⁸. В данном случае, однако, эти части столбов находились ниже уровня пола.

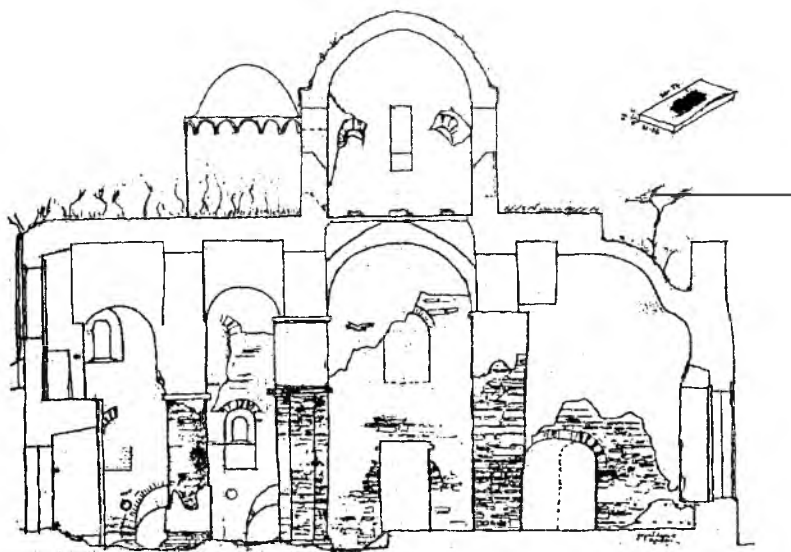

Рис. 16. Иоанновский собор во Пскове. Продольный разрез. Чертеж А. М. Харламова и В. И. Эрн 1946 г. (опубликован: Бирюков Ю. Б. Поздние перестройки и история исследований собора Иоанновского монастыря во Пскове // *Seminarium Bulkinianum*. К 60-летию Валентина Александровича Булкина. Сб. статей. СПб. 1999. С. 87, рис.)

Таким образом, в осуществленном варианте церковь Дмитрия могла иметь круглые или восьмигранные западные столбы. По своей композиции она, вероятно, была близка храмам первого архитектурного направления и являлась постройкой того же архитектурного типа в сокращенном (четырёхстолпном) варианте.

В свете этих соображений исключительный интерес представляет датировка церкви Дмитрия. На основании анализа летописных известий и косвенных данных этот памятник был датирован Д. Г. Хрустальевым и

²³⁷ Гусева О. Г., Иоаннисян О. М., Стеценко Н. К. Исследование Никольского собора в Старой Ладогe // КСИА. 1982. Вып. 172. С. 72.

²³⁸ Ранпопорт П. А. Строительное производство Древней Руси... С. 74.

автором настоящей работы началом 30-х гг. XII в.²³⁹ Не исключен и иной вариант: церковь Дмитрия могла быть создана и в более позднее время – на рубеже 30–40-х гг. XII в. В таком случае изменение первоначального замысла этого храма может быть связано со сменой заказчика (смертью в 1138 г. инициатора строительства – князя Всеволода Мстиславича)²⁴⁰.

В контексте вопроса о взаимном влиянии двух архитектурных направлений можно рассматривать и надстройку палаток Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря. Мы уже отмечали, что палатки собора Мирожского монастыря появились в результате изменения первоначального замысла, то есть возникли как бы случайно. Трудно поверить, что это случайно найденное архитектурное решение оказалось настолько популярным, что стало тиражироваться практически во всех новгородских храмах, возведенных после Мирожжа. Возникает и другой вопрос: почему композиционная схема собора Мирожского монастыря с надстроенными угловыми палатками, повторенная и усовершенствованная при строительстве церкви Климента (как это традиционно считается), не была использована в ходе первого этапа строительства церкви Георгия в Старой Ладоге?

Надстройка угловых палаток обычно объясняется тем, что «пониженные углы здания нецелесообразны в северном климате, так как здесь может скапливаться снег»²⁴¹. Однако исследования собора показали, что нижние угловые компартименты, на которые были поставлены палатки, изначально имели округлую форму завершения, близкую к пологой четвертичной кривой, а в диагональных разжелобках были установлены деревянные потоки²⁴². Скопление снега здесь вряд ли могло быть намного большим, чем на других участках кровли. Логичнее предположить, что надстройка угловых палаток была вызвана требованиями уже сложившейся практики использования подобных помещений. Не исключено, что это «случайно найденное» решение было «подсказано» имеющимися образцами. Как нам представляется, подобные помещения на хорах могли существовать в храмах, относящихся к первому архитектурному направлению.

По своему характеру палатки на хорах в новгородских храмах близки замкнутым помещениям (приделам)²⁴³ на хорах в постройках

²³⁹ Новосёлов Н. В., Хрусталева Д. Г. Церковь Св. Дмитрия Солунского в Пскове: памятник опередивший свое время // Труды Государственного Эрмитажа. Вып. LIII. Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков. Материалы международного семинара 17–21 ноября 2009 г. СПб., 2010. С. 435.

²⁴⁰ Новосёлов Н. В. Первоначальный замысел и последующее изменение архитектурной концепции церкви Дмитрия Солунского в Пскове // АИППЗ. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы LIII заседания (10–13 апреля 2007 года). Псков, 2008. С. 107.

²⁴¹ Раппопорт П. А. Древнерусская архитектура.... С. 58.

²⁴² Мильчик М. И., Штендер Г. М. Указ. соч. С. 79, 81.

²⁴³ Н. В. Холостенко называет данные помещения в киево-черниговских храмах «капеллами игуменов». Интересно, что этот термин впервые был использован В. В. Суслон

киевско-черниговского круга (относящиеся к строительно-архитектурной традиции, возникшей на рубеже XI–XII вв. в Чернигове, а в 30–50-е гг. XII в. получившей распространение в Киеве, на Волыни, в Смоленске и Рязани). Шестистолпные храмы (храмы с нартексом), относящиеся к этой традиции, имели приделы, расположенные в юго-восточных частях П-образных или Г-образных хор (Успенский собор Елецкого монастыря в Чернигове, Кирилловская церковь в Киеве)²⁴⁴. Переход к четырехстолпному типу храма и отказ от нартекса привел к перемещению хор в западную треть наоса²⁴⁵. Расположение приделов при этом не изменилось: они продолжали занимать южную часть хор (церковь Петра и Павла в Смоленске)²⁴⁶. Приделы на хорах в этих храмах представляли собой практически изолированные помещения, соединенные проемами с центральной (отрытой) частью хор. В восточной стене приделов имелись апсидные ниши, прорезанные щелевидными оконными проемами (Успенский собор Елецкого монастыря в Чернигове, церковь Петра и Павла в Смоленске). В Кирилловской церкви один оконный проем находился в северной стене придела и выходил в западный рукав пространственного креста. Таким образом, приделы на хорах представляли собой как бы храмы в храме, что подчеркивалось наличием оконных проемов, выходивших в наос.

Мы уже говорили о том, что церковь Воскресения в Переяславле, сочетающая черты новгородской и киево-черниговской строительных традиций, могла быть проводником ряда архитектурных решений, неизвестных ранее в новгородском зодчестве. Наличие киево-черниговских элементов в архитектуре этого храма позволяет предположить и схожую конструкцию хор. О конструкции хор церкви Воскресения, а также близкой ей по своей архитектурной композиции новгородской церкви Успения на Торгу, однако, ничего не известно. В Иоанновском соборе во Пскове, относящемуся к этому же направлению, хоры представляют собой деревянный настил, расположенный над нартексом. Они открываются в наос широкими арками и, казалось бы, не имеют ничего общего с конструкцией хор киево-черниговских храмов. В то же время конструктивные особенности столбов Иоанновского храма, по нашему мнению, позволяют высказать определенные предположения относительно организации пространства второго яруса (уровня хор) в постройках этого круга.

В Рождественском соборе Антониева монастыря высокие восьмигранные столбы делали невозможным устройство П-образных или Г-образных хор, то есть хоры могли быть размещены только над нартексом²⁴⁷. Круглые и восьмигранные столбы псковского Иоанновского

вым при описании палаток на хорах в новгородских храмах (Суслов В. В. Материалы к истории древней новгородско-псковской архитектуры. СПб., 1888. С. 19).

²⁴⁴ Седов Вл. В. Придел на хорах церкви Спаса на Нередице. С. 59.

²⁴⁵ Седов Вл. В. Новый тип хор в древнерусской архитектуре XII в. С. 70–71.

²⁴⁶ Седов Вл. В. Придел на хорах церкви Спаса на Нередице. С. 63.

²⁴⁷ Седов Вл. В. Новый тип хор в древнерусской архитектуре XII в. С. 70.

собора на середине высоты приобретают квадратную форму. Такое решение выглядит странным, поскольку переход к квадратному сечению на середине высоты опоры может быть объясним только необходимостью устройства дополнительных сводов для П-образных или Г-образных хор. Таких хор, как известно, в Иоанновском соборе не было. Данное обстоятельство позволяет рассматривать форму верхних частей столбов Иоанновского храма как рудиментарный элемент, оставшийся в наследство от более ранних построек с таким же сечением опор, но имевших П-образные или Г-образные хоры на сводах. Это дает основание предполагать, что в храмах, предшествующих Иоанновскому собору (церковь Воскресения в Переяславле или церковь Успения на Торгу), имелись П-образные или Г-образные хоры, на которых могли быть размещены приделы. Кажется весьма вероятным, что необычная конструкция хор Иоанновского собора не входила в первоначальный замысел, а возникла в результате его корректировки, уже в ходе строительства.

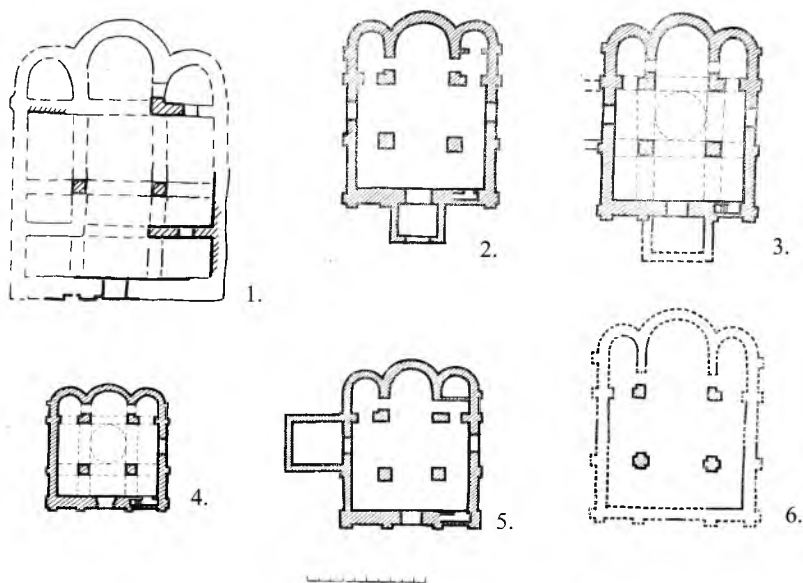

Рис. 17. Храмы Старой Ладogi домонгольского времени:
1 – церковь Климента; 2 – церковь на Волхове; 3 – церковь Успения;
4 – церковь Георгия; 5 – церковь на Ладожке; 6 – Никольский собор
(по П. А. Раппопорту)

Как памятник, находящийся на стыке двух направлений, можно, вероятно, рассматривать и церковь Жен Мироносиц в Новгороде (при условии, что храм XVI в. повторяет план домонгольской постройки). Исходя из формальных признаков (продольная ориентация плана, круг-

лые западные столбы, отсутствие лопаток в интерьере), церковь Жен Мироносиц была отнесена нами к первому архитектурному направлению. В то же время храм Мироносиц имеет и ряд принципиальных отличий от построек этого круга. Прежде всего, этот памятник отличается вместительным нартексом, отделенным от основного объема сплошной стеной с одним проходом по оси центрального нефа. Ширина нартекса в церкви Жен Мироносиц превышает величину подкупольного квадрата. Из-за этого при общих размерах и пропорциях, близких церкви Успения на Торгу, храм Мироносиц приобретает композиционные черты, близкие храмам второго направления (храмам типа Мирожя). Устройство широкого нартекса привело к смещению композиционного центра к востоку, а пропорции основного объема оказались приближенными к квадрату.

Приведенные примеры позволяют говорить о том, что обозначенные архитектурные направления не существовали независимо друг от друга и не являлись самостоятельными, автономно развивающимися архитектурными школами. Особенности строительной техники свидетельствуют о том, что коллективы мастеров, создававшие эти храмы, работали в близких, практически идентичных строительных традициях. Это обстоятельство позволяет предположить, что в строительстве храмов, относящихся к двум разным направлениям, могли принимать участие одни и те же мастера. Более того, конкретные архитектурные решения, характерные для построек того или иного направления, могли заимствоваться и перетекать из одного направления в другое, рождая новые архитектурные формы. Эти новые формы можно рассматривать как результат синтеза двух направлений. Все это дает основание говорить о том, что на протяжении 30–50-х гг. XII в. в новгородской архитектуре происходит активный поиск новых форм, приведший в итоге к появлению храма «новгородского типа».

Как памятники, находящиеся на стыке этих двух направлений, или как результат синтеза этих направлений следует рассматривать и ладожские храмы. Ладожские храмы (за исключением церкви Климента и церкви Георгия первого строительного периода) по ряду формальных признаков представляют собой единую типологическую группу (рис. 17). Это одноглавые четырехстолпные трехапсидные храмы с Г-образными восточными столбами и отвечающими им лопатками на стенах. Позднее подобная форма восточных столбов в новгородском зодчестве домонгольского времени встречается лишь однажды – в Спасо-Преображенском соборе Хутынского монастыря²⁴⁸.

Среди ладожских храмов особый интерес представляют церковь Успения и Никольский собор – постройки, претендующие на роль наиболее ранних.

²⁴⁸ Булкин Вал. А., Штендер Г. М. Спасо-Преображенский собор – древнейшая каменная постройка Хутынского монастыря под Новгородом // ПКНО. 1993. М., 1994. С. 513–514.

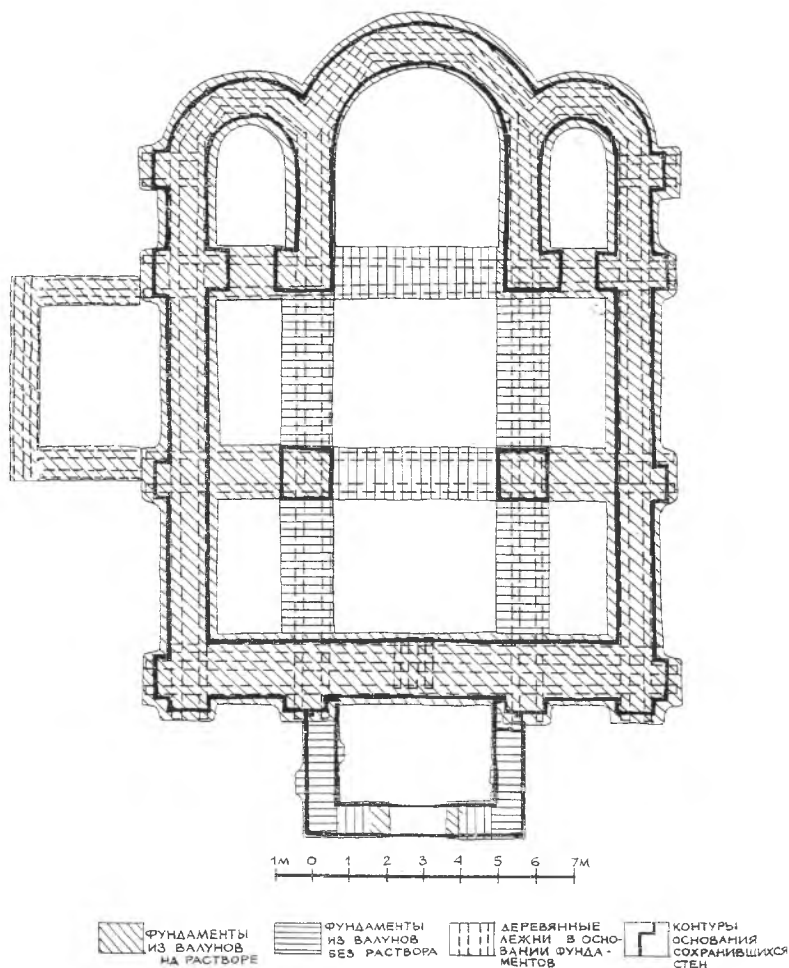

Рис. 18. Церковь Успения в Старой Ладоге.
Реконструкция плана фундаментов
(по Н. К. Стеценко и И. Л. Воиновой)

Церковь Успения является синтетическим памятником, в архитектуре которого соединились особенности храмов двух направлений, а также постройк предшествующего периода (рис. 18). В. Д. Сарабьянов абсолютно верно характеризует архитектуру этого храма: «Успенский собор является очень индивидуальным произведением архитектурной мысли, не повторяющим образец, но созидающим архитектурный образ»²⁴⁹.

²⁴⁹ Сарабьянов В. Д. Успенский собор Старой Ладоги... С. 273.

По своим размерам и пропорциональному строю церковь Успения оказывается близка к храмам первой типологической группы. На примере сравнительного анализа планов С. В. Лалазаровым была показана близость церкви Успения и собора Антониева монастыря²⁵⁰. Еще с большим основанием можно говорить о близости церкви Успения псковскому Иоанновскому собору. Сходство основных элементов плановой композиции, а также строительно-технических особенностей этих построек настолько велико, что участие в их создании одних и тех же мастеров кажется весьма вероятным.

Принципиальным отличием церкви Успения от Иоанновского собора является четырехстолпная структура Успенского храма. В сравнении с другими четырехстолпными храмами новгородского круга западное членение наоса церкви Успения имеет гораздо большую ширину (ширина западной трети наоса лишь немногим меньше стороны подкупольного квадрата). Создается впечатление, что при создании четырехстолпной композиции Успенской церкви мастера не убрали нартекс, а раздвинули пространство западной трети наоса, сместив его западную границу и ликвидировав западную пару столбов. Ширина западной трети наоса была приравнена к подкупольному квадрату, при этом общая длина церкви оказалась меньше длины Иоанновского собора или собора Антониева монастыря лишь на толщину стены.

В других ранних четырехстолпных храмах новгородского круга – в соборе Антониева монастыря (на первом этапе строительства) и в соборе Мирожского монастыря – ширина западной части храма равна ширине боковых нефов, то есть соотношение этих частей такое же, как в храмах с шестистолпной схемой плана (храмах с нартексом). Четырехстолпный храм в этих случаях трактуется как шестистолпный храм, у которого отсутствует нартекс.

Архитектурная логика Успенской церкви демонстрирует иной принцип работы конструктивной мысли, иное понимания пространственной структуры сооружения. Четырехстолпный храм воспринимается не как шестистолпный храм без нартекса, а, скорее, как шестистолпный храм без крайних западных столбов. О такой же логике восприятия мастерами архитектурного объема свидетельствуют новгородские постройки конца XII в. Данное обстоятельство позволяет рассматривать церковь Успения как один из первых примеров храмов в новгородском зодчестве с четырехстолпной плановой композицией. Другим ранним примером такого же соотношения подкупольного квадрата и западной трети наоса является псковский храм Дмитрия Солунского.

Церковь Успения имеет такую же пропорциональную схему, что и Рождественский собор Антониева монастыря и Иоанновский собор в Пскове: ширина центрального нефа равна ширине боковых в сумме с толщиной стен и столбов. Более того, в эту же зону включен и вынос

²⁵⁰ Лалазаров С. В. Церковь Георгия в Старой Ладогe... С. 13. Рис. 1.

лопаток. Вследствие этого ширина центрального нефа в 2,5 раза больше ширины боковых²⁵¹.

С. В. Лалазаровым и В. Д. Сарабьяновым был отмечен ряд архитектурных особенностей, сближающих церковь Успения с новгородскими храмами начала XII в., и, прежде всего, с собором Антониева монастыря. Церковь Успения и собор Антониева монастыря объединяет одинаковое расположение оконных проемов, равновеликие апсиды с ярусом просветных арок в межапсидных стенках, каменные карнизные плиты в основаниях арок²⁵². Некоторые из этих особенностей (например, композиция фасадов) становятся характерными для многих памятников новгородской архитектуры XII в., другие (ряд просветных арок в межапсидных стенках) известны только у этих двух храмов.

Г-образные восточные столбы с отвечающими им лопатками на стенах в церкви Успения и в остальных ладожских храмах традиционно рассматриваются как производные от форм собора Мирожского монастыря и церкви Климента²⁵³. В то же время это решение находит сходство и в организации пространства восточной части собора Антониева монастыря, где Т-образные восточные столбы создавали ощущение плоскости стены, прорезанной высокими арочными проемами²⁵⁴.

Поскольку ширина западной части наоса в церкви Успения близка подкупольному квадрату, палатки хор приобретают вытянутую прямоугольную форму со значительным выносом к западу. Настил между палатками имеет небольшую ширину, поэтому хоры в целом приобретают П-образную композицию, подобно хорам княжеских храмов начала XII в.²⁵⁵

Палатки церкви Успения открываются в западный рукав креста двумя небольшими оконными проемами с арочными перемычками. Эти проемы в древности имели деревянные заполнения²⁵⁶. Данная особенность роднит церковь Успения с собором Антониева монастыря и, вероятно, с памятниками киево-черниговской группы (с приделами на хорах). Исследования Рождественского собора показали, что после пристройки нартекса в верхних окнах северного и южного прясел первоначального западного фасада были сохранены деревянные оконницы²⁵⁷. Очень вероятно, что деревянные оконницы изначально имелись и в оконных проемах приделов на хорах памятников киево-черниговского круга. На это указывает общая архитектурно-богословская концепция этих помещений (храмов в храмах). Оконный проем, выходящий из южной палатки в наос, имелся и в Спасо-Преображенском соборе Ми-

²⁵¹ Сарабьянов В. Д. Успенский собор Старой Ладogi... С. 268.

²⁵² Лалазаров С. В. Два этапа строительства церкви Георгия... С. 119–120.

²⁵³ Мильчик М. И. Церковь Георгия в Старой Ладогe // СА. 1979. № 2. С. 116; Пескова А. А., Раппопорт П. А., Штендер Г. М. Указ. соч. С. 45.

²⁵⁴ Сарабьянов В. Д. Успенский собор Старой Ладogi... С. 269.

²⁵⁵ Там же. С. 272.

²⁵⁶ Там же. 271–272.

²⁵⁷ Штендер Г. М., Ковалева В. М. Указ. соч. С. 56.

рожского монастыря. Стоит, однако, отметить, что в отличие от Рождественского собора Антониева монастыря или церкви Успения, окно в южной палатке собора Мирожского монастыря не имело заполнения, а откосы на всю толщину стены были покрыты орнаментальной росписью²⁵⁸. На наш взгляд, это может свидетельствовать о вторичности данного решения в Спасском соборе по сравнению с собором Антониева монастыря и церковью Успения.

С. В. Лалазаровым была отмечена еще одна особенность конструкции хор церкви Успения: внутрискладовая лестница имеет выход не в пространство между палатками, как в новгородских храмах последней четверти XII в., а северную палатку, которая оказывается проходной. Северная палатка не была отделена от лестницы дверным проемом, таким образом, верхняя площадка лестницы является ее составной частью²⁵⁹. По предположению С. В. Лалазарова, такая же конструктивная схема (с проходной северной камерой) применялась во всех староладожских храмах²⁶⁰. Позднее в новгородских постройках конца XII – начала XIII в. выход лестницы устраивается в центральном прясле стены, в пространстве между палатками. Для этого необходимо было изменить соотношения величин, влияющих на трассировку лестницы: ширину храма и высоту хор²⁶¹.

Отметим, что какая-то часть хор (в большинстве случаев северная, реже – южная) была проходной у многих древнерусских храмов с различными вариантами подъема на второй ярус. Например, часть хор неизбежно оказывалась проходной у храмов с лестничной башней, расположенной с внешней стороны здания.

Мы обратили внимание на сходство церкви Успения с соборами Антониева и Иоанновского монастырей. В то же время церковь Успения имеет и принципиальные отличия как от одного, так и от другого памятника. Эти отличия не ограничиваются четырехстолпностью Успенского храма, и их не всегда возможно объяснить простой эволюцией архитектурных форм.

Одним из отличий церкви Успения от Рождественского и Иоанновского соборов является конструкция хор. В типологическом отношении хоры церкви Успения занимают промежуточное положение между хорами Рождественского и Иоанновского соборов, соединяя в своем решении сводчатые перекрытия и деревянный настил. Действительно (и здесь невозможно не согласиться с мнением большинства специалистов), с точки зрения типологических изменений, хорам церкви Успения наиболее близки хоры Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря. Однако отметим еще раз случайность этого решения в мирожском соборе и наше предположение о том, что оно могло быть подсказано храмами, созданными в русле киево-черниговской строи-

²⁵⁸ Мильчик М. И., Штендер Г. М. Указ. соч. С. 81.

²⁵⁹ Лалазаров С. В. Церковь Георгия в Старой Ладоге... С. 10.

²⁶⁰ Там же.

²⁶¹ Там же. С. 11–12.

тельной традиции. В этом отношении весьма интересным памятником может оказаться Успенский собор во Владимире Волынском. Материалы исследований этого памятника позволяют предположить, что центральная часть его хор представляла собой деревянный настил²⁶².

Церковь Успения является одним из первых храмов в новгородской архитектуре с квадратными западными столбами. Близкими ей по времени постройками с такой же формой западных столбов могли быть церковь Дмитрия Солунского и Троицкий собор во Пскове и церковь Климента в Старой Ладогe. Учитывая близость церкви Успения к Рождественскому и Иоанновскому соборам, можно предположить следующую схему происхождения этой формы. В постройках этого направления, созданных после Рождественского собора, восьмигранные (или круглые) западные подкупольные столбы в верхней части приобретают квадратное сечение (возможно, это было связано с устройством хор, опирающихся на своды). В нижней части эти столбы, вероятно, имели квадратные базы. Из построек этой группы в основном объеме сохранился лишь Иоанновский собор во Пскове. Для создания полностью квадратных столбов необходимо было лишь соединить нижнюю и верхнюю части. Возможно, на эволюцию формы столбов могли повлиять постройки второго направления (храмы типа Мiroжа), имевшие квадратные столбы.

Важно отметить, что отдельные детали и архитектурные решения Успенской церкви оказываются ближе не псковскому Иоанновскому собору, а Рождественскому собору Антониева монастыря. К таковым решениям следует отнести композицию фасадов церкви Успения и ее высотные пропорции. Мы уже упоминали о том, что расположение окон на боковых фасадах и на апсидах церкви Успения аналогично Рождественскому собору Антониева монастыря. Высотные характеристики церкви Успения также оказываются ближе собору Рождественского монастыря, а не Иоанновскому собору. Создается впечатление, что высотные пропорции Иоанновского храма искусственно уменьшены и с этим, возможно, связана и уникальная композиция фасадов храма.

Принципиальным вопросом в связи с изложенными соображениями является вопрос о времени строительства церкви Успения. Традиционно церковь Успения датируется в пределах 50–60-х гг. XII в.²⁶³ Эта точка зрения была подвергнута сомнению Б. Г. Васильевым, который, исходя из анализа фресок, датировал храм второй четвертью XII в.²⁶⁴ В ряде работ нами была аргументирована датировка церкви

²⁶² *Раннопорт П. А.* Мстиславов храм во Владимире Волынском // Зограф. Београд, 1977. № 7. С. 20.

²⁶³ *Пескова А. А., Раннопорт П. А., Штендер Г. М.* Указ. соч. С. 44–46; *Раннопорт П. А.* Зодчество Древней Руси. С. 77; *Он же.* Древнерусская архитектура. С. 58–59.

²⁶⁴ *Васильев Б. Г.* Фрески ц. Успения Богородицы XII в. в Старой Ладогe // РА. 1994. № 2. С. 197.

Успения 40-ми гг. XII в.²⁶⁵. Относительно недавно эта датировка (40-е гг. XII в.) была поддержана В. Д. Сарабьяновым²⁶⁶.

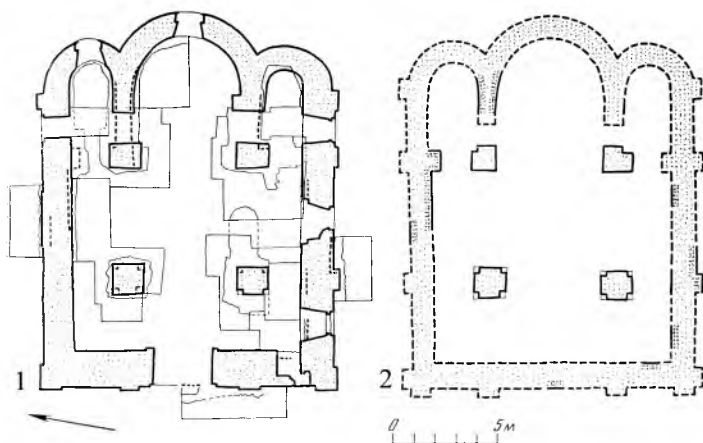

Рис. 19. Никольский собор в Старой Ладогe.
1 – план существующего здания и раскопанные участки домонгольского храма; 2 – реконструкция плана (по О. Г. Гусевой, О. М. Иоаннисяна, Н. К. Стеценко)

Еще одним памятником, претендующим на роль одного из первых каменных храмов Ладогe, является Никольский собор (рис. 19). Изначально храм датировался концом XII – началом XIII в.²⁶⁷ Эта же дата

²⁶⁵ Основанием для подобной датировки стала атрибуция княжеского знака, обнаруженного в ходе реставрационных работ на южной арке свода вимы, который, как мы полагали, мог принадлежать Святополку Мстиславичу, княжившему в Новгороде в 1142–1148 гг., а также ряд строительно-технических особенностей, сближающих церковь Успения с Иоанновским собором во Пскове. (Новосёлов Н. В. Княжеский знак на церкви Успения в Старой Ладогe и «цятн Ростиславль» // Староладожский сборник. Вып. 4. СПб., 2001. С. 128–135; Он же. От Благовещения до Благовещения. Строительное производство Новгородской земли в период сложения местной архитектурной школы. СПб., 2002. С. 77, 82–85). Как нам представляется в настоящее время, данный знак может быть атрибутирован и другому Мстиславичу – Изяславу, сын которого, Ярослав Изяславич занимал новгородский стол в 1148–1154 гг. (Такая атрибуция была предложена С. В. Белецким. См.: Белецкий С. В. Предметы с изображением тамгообразных знаков из раскопок в Тверском кремле // Тверской кремль. Комплексное археологическое исследование. СПб., 2001. С. 195–198).

²⁶⁶ Сарабьянов В. Д. Успенский собор Старой Ладогe... С. 286–287.

²⁶⁷ Кирпичников А. Н. Архитектурно-археологические открытия в старой Ладогe // АО 1975 г. М., 1976. С. 18; Гусева О. Г., Иоаннисян О. М., Стеценко Н. К. Указ. соч. С. 73; Штендер Г. М. Архитектура Новгородской земли... С. 28, табл. 2, № 52.

приведена и в своде П. А. Раппопорта²⁶⁸. Позднее эта датировка Никольского собора была подвергнута критике Б. Г. Васильевым, который, на основании анализа фрагментов фресок, предложил датировать храм серединой XII в.²⁶⁹ Независимо от Б. Г. Васильева к такой же датировке Никольского собора пришла Е. В. Соленикова²⁷⁰, а несколько позднее и большинство других исследователей²⁷¹. Относительно недавно с этой датировкой согласились и первые исследователи Никольского собора — О. Г. Гусева и О. М. Иоаннисян²⁷².

Между тем, по мнению В. Д. Сарабянова, время строительства Никольского храма может быть отодвинуто и на более ранний период²⁷³. По мнению исследователя, архаичной чертой Никольского собора является крестообразная форма западных опор²⁷⁴. При этом «сочетание крестчатых западных и Г-образных восточных опор, — считает исследователь, — позволяет сделать вывод о специфической форме подпружных арок»²⁷⁵. Северная и южная подпружные арки на востоке сливались с плоскостью опор, причем этот переход, по мнению ученого, мог осуществляться через консоли с каменными карнизами, как в соборе Мирожского монастыря²⁷⁶.

Размеры и пропорции Никольского собора весьма близки ладожской Успенской церкви²⁷⁷. Так же, как в церкви Успения, в Никольском соборе доминирует подкупольное пространство, а боковые нефы уже центрального в 2,5 раза²⁷⁸.

Есть и иные особенности, отличающие Никольский собор от других памятников Старой Ладogi.

На наш взгляд, весьма вероятно, что в Никольском соборе отсутствовала внутristенная лестница. Эта лестница с уверенностью рекон-

²⁶⁸ Раппопорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв.... С. 79.

²⁶⁹ Васильев Б. Г. Фрески церкви Николая Чудотворца в Старой Ладoge // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. Сборник статей к 75-летию В. Д. Белецкого. СПб., 1994. С. 76.

²⁷⁰ Соленикова Е. В. К вопросу о времени строительства домонгольских храмов Старой Ладogi (в связи с проблемой «заказчика») // Там же. С. 236.

²⁷¹ Лазаров С. В. Церковь Георгия в Старой Ладoge... С. 8; Мильчик М. И. Еще раз о хронологии каменного строительства XII в. в Пскове и Ладoge // ДРИ. Русь и страны византийского мира: XII век. СПб., 2002. С. 294 и др.

²⁷² Гусева О. Г., Иоаннисян О. М. К вопросу о датировке Никольского собора в Старой Ладoge // Краугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. 80-летию со дня рождения А. Н. Кирпичникова. Т. I. М., 2010. С. 258–259.

²⁷³ Сарабянов В. Д. Успенский собор Старой Ладogi... С. 292.

²⁷⁴ Там же. С. 292–293.

²⁷⁵ Там же. С. 293.

²⁷⁶ Там же.

²⁷⁷ По данным П. А. Раппопорта, размеры храма 18 × 13,8 м (Раппопорт П. А. Русская архитектура X–XIII в.... С. 79). О. Г. Гусева, О. М. Иоаннисян и Н. К. Стеценко приводят примерно такие же размеры: 18 × 13,5 м (Гусева О. Г., Иоаннисян О. М., Стеценко Н. К. Указ. соч. С. 72).

²⁷⁸ Сарабянов В. Д. Успенский собор Старой Ладogi... С. 293.

струируется О. Г. Гусевой, О. М. Иоаннисяном и Н. К. Стеценко в толще западной стены. По данным исследователей ширина западной стены была равна 1,4–1,45 м (ширина других стен 1,15–1,2 м)²⁷⁹. Следует, однако, отметить, что ширина западной стены храма реконструируется исследователями на основании данных двух шурфов, один из которых был расположен снаружи храма, перед порталом, а другой в интерьере, в юго-западном углу. Таким образом, шурфы были расположены в разных частях стены, а не напротив друг друга. Кроме того, судя по опубликованным планам, ширина западной стены составляла не 1,4–1,45 м, а 1,3–1,35 м.

Еще одной отличительной чертой Никольского собора может оказаться редкая для новгородской архитектуры домонгольского времени форма западных угловых лопаток. Относительно недавно О. Г. Гусевой и О. М. Иоаннисяном было высказано предположение, что эти лопатки сходились на углах, а не образовывали закрестий, как в большинстве построек новгородского круга²⁸⁰.

Конструкция фундаментов Никольского собора чрезвычайно похожа на конструкцию фундаментов новгородских храмов последней четверти XII в., а также церкви Дмитрия Солунского во Пскове, которая, на наш взгляд, во многом предвосхитила дальнейшее развитие новгородского зодчества²⁸¹. Фундаменты обоих храмов имеют глубину около 0,7 м. Восточные столбы соединены по фундаменту с межапсидными стенками, а западные имеют самостоятельные фундаменты. В обоих храмах отсутствуют лежни в основании фундаментов и раскреповка фундамента в районе внешних лопаток.

Остальные ладожские храмы (церковь Георгия второго строительного периода и церкви на Волхове и на Ладожке, раскопанные Н. Е. Бранденбургом) следует, вероятно, рассматривать как более поздние по сравнению с церковью Успения и Никольским собором. С. В. Лалазаровым высказывалось предположение, что последней по времени строительства ладожской церковью была церковь Георгия (второго строительного периода); после ее возведения мастера, работавшие в Ладоге, возвращаются в Новгород²⁸². При этом исследователь не исключал, что строительные работы в Ладоге могли продолжаться вплоть до конца 70-х гг. XII в.²⁸³ На наш взгляд, не менее вероятно, что последним из ладожских храмов была церковь на Ладожке.

Типологическое единство ладожских построек можно рассматривать и как хронологический признак, и как архитектурный «почерк» одной артели, которая последовательно возводит все ладожские хра-

²⁷⁹ Гусева О. Г., Иоаннисян О. М., Стеценко Н. К. Указ. соч. С. 72; Гусева О. Г., Иоаннисян О. М. Указ. соч. С. 248.

²⁸⁰ Гусева О. Г., Иоаннисян О. М. Указ. соч. С. 253.

²⁸¹ Новосёлов Н. В., Хрусталева Д. Г. Церковь Св. Дмитрия Солунского в Пскове... С. 420–440.

²⁸² Лалазаров С. В. Церковь Георгия в Старой Ладоге... С. 22–24.

²⁸³ Лалазаров С. В. Церковь Георгия в Старой Ладоге... С. 24.

мы²⁸⁴. Действительно, между ладожскими церквями (за исключением церкви Климента и церкви Георгия первого строительного периода) больше сходства, чем между новгородскими постройками конца XII в. Это может указывать на консерватизм ладожской архитектуры и, следовательно, на автономную деятельность строительного коллектива и на однородность заказа.

С другой стороны, конструктивные особенности фундаментов наиболее изученных ладожских храмов (церквей Климента, Успения, Георгия и Никольского собора) не позволяют выстроить эти памятники в одну эволюционную цепочку. Фундаменты этих построек имеют принципиальные отличия, свидетельствующие о разном техническом мышлении, о разных подходах к решению одних и тех же строительных задач. Следует, однако, отметить, что наиболее изученными в настоящее время являются те из ладожских храмов, которые претендуют на роль наиболее ранних. О фундаментах церквей, раскопанных Н. Е. Бранденбургом, данные отсутствуют. Фундаменты новгородских храмов последней четверти XII в. имеют одинаковую конструкцию. Это неглубокие фундаменты, впущенные во рвы, с раскреповкой в местах лопаток, с самостоятельными столбчатыми основаниями под западные столбы. Можно предположить, что эта конструктивная схема вырабатывается именно в ходе ладожского строительства. В таком случае необходимо допустить, что в ходе ладожского строительства происходит слияние различных производственных коллективов и образуется ладожская строительная артель.

Схожая ситуация, на наш взгляд, наблюдается и в сфере производства плинфы, использовавшейся при строительстве ладожских церквей. Плинфа ладожских храмов при общем генетическом родстве обнаруживает и принципиальные различия, которые позволяют предположить участие в ее изготовлении нескольких производственных коллективов²⁸⁵. Наоборот, плинфа новгородских храмов последней трети XII в. удивительно похожа, что может свидетельствовать об унификации плинфяного производства.

Типологическое единство ладожских храмов позволяет предположить, что строительные силы, появившиеся в Ладоге в 40-е гг. XII в., продолжают оставаться там в течение достаточно длительного времени — до конца 60-х, или даже до конца 70-х гг. XII в., то есть на протяжении 20–30 лет. Это, на наш взгляд, не исключает одновременного каменного строительства в Новгороде. К таковым работам относятся кровельные и штукатурные работы в Софийском соборе, отмеченные летописью под 1151 г.²⁸⁶ Вероятно, к 50-м гг. XII в. (ко времени святитель-

²⁸⁴ Мильчик М. И. Церковь Георгия в Старой Ладоге. С. 116; Пескова А. А., Раннопорт П. А., Штендер Г. М. Указ. соч. С. 45.

²⁸⁵ Новосёлов Н. В. Плинфа Старой Ладоги // Древние культуры и технологии. СПб., 1996. С. 92–97. С нашим мнением не согласен Д. Д. Ёлшин (См.: Ёлшин Д. Д. Технологические особенности новгородской плинфы... С. 95).

²⁸⁶ НПЛ. С. 29.

ства Нифонта) должны относиться работы в алтарной части собора, отмеченные Г. М. Штендером²⁸⁷, а также работы в северной галерее (создание усилительных прикладок к лопаткам)²⁸⁸. 50-ми гг. XII в. могут датироваться и ремонтные работы в Николо-Дворищенском соборе, в ходе которых были созданы новые полы и встроена лестничная башня²⁸⁹. Весьма вероятно, что в это же время закладывается и церковь Бориса и Глеба в **Детинце**²⁹⁰. Наконец, рубежом 40–50-х гг. мы склонны датировать строительство домонгольской церкви Жен Мироносиц²⁹¹. Молчание летописей о большинстве из этих мероприятий, так же как и в случае с ладожским строительством, может объясняться конфликтом князей с органами церковной (республиканской) власти Новгорода.

В 60–70-е гг. XII в. летописи отмечают строительство трех сооружений: надвратной церкви Юрьева монастыря (1166–1173 гг.)²⁹², церкви Бориса и Глеба в детинце (1167–1173 гг.)²⁹³ и церкви Якова на Яковлевой улице (1172 г.)²⁹⁴. Удивительная синхронность строительства двух первых сооружений и чрезмерно длительные сроки строительства, на наш взгляд, могут объясняться отсутствием постоянного финансирования. Такая ситуация могла сложиться из-за частых изгнаний князей, которые являлись основными заказчиками строительства.

Таким образом, деятельность в Ладоге автономного строительного коллектива совершенно не обязательно должна свидетельствовать о приостановке строительства в Новгороде.

²⁸⁷ Штендер Г. М. К вопросу об архитектуре малых форм Софии Новгородской // ДРИ. Художественная культура Новгорода. М., 1968. С. 106–107.

²⁸⁸ Новосёлов Н. В. К вопросу о древних полах Софии Новгородской // НИНЗ. История и археология. Вып. 18. Великий Новгород. 2004. С. 307–308.

²⁸⁹ Вал. А. Булкин связывал эти работы с летописным сообщением об освящении этого храма в 1136 г. (Булкин Вал. А. Новгородское зодчество начала XII в. С. 273). Наоборот, Г. М. Штендер, на основании формата кирпича датировал строительство лестничной башни Никольского собора концом XII – началом XIII в. (Штендер Г. М. Зодчество Великого Новгорода... С. 577, 584. Прим. 10). Следует, однако, отметить, что в ходе этих работ дьяконник Никольского собора получает новое решение, близкое решению дьяконников ряда ладожских церквей.

²⁹⁰ Конструкция фундаментов этого храма обнаруживает ближайшее сходство с конструкцией фундамента ладожской церкви Успения, а плинфа храма оказывается близка плинфе ладожской церкви Климента.

²⁹¹ Новосёлов Н. В., Хрусталева Д. Г. Храм на «старой основе» – церковь Жен Мироносиц в Новгороде... С. 92–94.

²⁹² НПЛ. С. 32, 34.

²⁹³ Там же. Вероятно, в данном сообщении речь идет о достройке храма, заложенного ранее.

²⁹⁴ Там же. С. 34.

Заключение

Анализ особенностей новгородских памятников 30–50-х гг. XII в., на наш взгляд, позволяет говорить о наличии в новгородской архитектуре этого времени двух направлений. Постройки, относящиеся и к одному и к другому направлению, обладают ярко выраженными типологическими признаками. К одному архитектурному типу относятся храмы с продольной ориентацией плана, с круглыми или восьмигранными столбами, без лопаток в интерьере, к другому типу – храмы с архитектурно выраженным пространственным крестом, вписанным в квадрат основного объема, и с изолированными боковыми апсидами. Эти направления не существовали изолированно друг от друга. Отдельные архитектурные решения, технические или декоративные приемы могли заимствоваться и перетекать из одного направления в другое. Эти направления и не являются замкнутыми в себе явлениями, а, подобно памятникам предшествующего периода, находят точки соприкосновения с архитектурой других древнерусских центров. В результате синтеза этих двух направлений происходит становление новгородской архитектурной традиции. Наиболее ярким примером этого синтеза являются памятники Старой Ладogi.

Архитектурные особенности ладожских храмов (за исключением церкви Климента и церкви Георгия первого строительного периода) позволяют видеть в этих постройках черты новгородской школы в уже сложившемся варианте²⁹⁵.

С точки зрения развития строительных конструкций, новгородские храмы конца XII в. не дают практически ничего нового по сравнению с храмами Ладogi. Единственным исключением является конструкция внутristенных лестниц. В отличие от лестниц ладожских храмов, лестницы новгородских построек последней четверти XII в. перекрываются не каменными плитами, а отрезками цилиндрических сводов²⁹⁶. Изменяется и трассировка лестницы: она выходит уже не в северную полатку, а в пространство наоса²⁹⁷.

Новгородская архитектура последней четверти XII в. демонстрирует отказ от ладожского консерватизма, выражавшимся, главным образом, в типовом решении восточной части храмов. Г-образные восточные столбы в сооружениях этого периода встречаются лишь однажды – при строительстве Спасо-Преображенского собора Хутынского монастыря.

В то же время два направления, обозначенные нами как основные векторы развития, в синтезе которых рождалась архитектурная идея храма новгородского типа, прослеживаются и в постройках конца XII в. Мы имеем в виду выделенные Вал. А. Булкиным две группы храмов

²⁹⁵ Раппопорт П. А. Зодчество Древней Руси... С. 77.

²⁹⁶ Лалазаров С. В. Церковь Георгия в Старой Ладогe... С. 10.

²⁹⁷ Там же. С. 11.

этого периода²⁹⁸. К первой группе будут относиться храмы с Т-образными или Г-образными восточными столбами и отвечающими им внутренними лопатками и с пропорциями плана, стремящимися к квадрату (соотношение длины и ширины 1,2–1,3). Ко второй группе будут относиться храмы с квадратными (прямоугольными) восточными столбами без внутренних лопаток, с продольной ориентацией плана (соотношение длины и ширины 1,4–1,5). Конечно, своеобразные черты этих двух направлений в новгородских постройках конца XII в. не столь отчетливы, как в сооружениях более раннего времени. Они во многом сnivelированы, сглажены архитектурной концепцией ладожских храмов. Иными словами, особенности этих направлений, проявившиеся в архитектуре конца XII в., прошли через призму ладожского синтеза.

* * *

Предложенная в статье картина развития новгородской архитектуры и сложения новгородской школы обрисована нами весьма схематично. Практически все высказанные положения в большей или в меньшей степени гипотетичны. Причина тому – нехватка информации, связанная как с разной степенью сохранности памятников, так и с разной степенью их изученности. В силу этих обстоятельств в общей картине имеются лакуны, которые мы пытались восполнить, используя различные методы и основываясь на общей логике развития архитектурных форм и конструкций (как эта логика представляется нам). По этой же причине мы, по мере возможности, пытались уйти от точных датировок и от четкого определения места отдельных памятников в общей картине.

Многие аспекты рассматриваемой проблемы остались за рамками настоящей работы. Отчасти это связано с форматом статьи и невозможностью охватить все и сразу. Некоторые вопросы, на наш взгляд, требуют отдельного рассмотрения. Например, совершенно самостоятельной темой является анализ социально-политического контекста новгородского строительства. Рассмотрение новгородского строительства с точки зрения событий социально-политической истории (взаимоотношения различных социальных групп и властных структур, династических и политических союзов, внутрицерковных отношений), несомненно, добавит в общую картину новое содержание и позволит в значительной степени ее персонифицировать.

Наложение социально-политической кальки на схему развития архитектурных форм и строительных технологий, несомненно, позволит взглянуть на историко-архитектурные проблемы с другой стороны: что-то конкретизировать и подтвердить, а что-то повергнуть сомнению. Однако это тема уже другой работы.

²⁹⁸ Булкин Вал. А. Архитектурно-строительная ситуация в новгородском зодчестве... С. 217–223.